

18+

ЗЛОДЕЙ

КРАСАВИЦЫ БОСТОНА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л.ДЖ. ШЭН

Л. Дж. Шэн
Красавицы Бостона. Злодей
Серия «Freedom. Интернет-
бестселлеры Л. Дж. Шэн»
Серия «Красавицы Бостона», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69407305

Красавицы Бостона. Злодей:

ISBN 978-5-04-189168-8

Аннотация

Жестокий. Хладнокровный. Аид в дорогом костюме.

Киллиана Фицпатрика связывают со всеми пороками на планете Земля.

А для меня он – мужчина, который спас мою жизнь.

Теперь я хочу, чтобы он оказал еще одну малюсенькую услугу. Вызволит из неприятностей, в которые меня втянул мой муж.

Ну что такое, в конце концов, сто тысяч долларов для одного из самых богатых людей в Америке?

Правда, оказалось, что Киллиан не работает бесплатно. Цена – моя свобода.

Теперь я – игрушка в его руках, с которой можно делать все что угодно.

Но Киллиан забыл, что Персефона была не только богиней весны, но и королевой смерти.

Скоро он узнает, что самый смертельный яд... это еще и самый сладкий.

Содержание

Плейлист	7
Пролог	9
Первая	37
Вторая	55
Третья	71
Четвертая	95
Пятая	115
Шестая	142
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Л. Дж. Шэн

Красавицы Бостона. Злодей

L.J. Shen

THE VILLAIN

Copyright © 2021. THE VILLAIN by L.J. Shen

The moral rights of the author have been asserted

© Перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается Кори и Лане

Заблудшую в аду, о Персефона,

Прими, пригрей и молви ей:

«Не плачь, о милая, родная,

Не так уж страшно в адской вотчине моей».

Эдна Сент-Винсент Милли. Сборник стихотворений

«Разбитое сердце»¹ – это бело-розовый цветок, который обладает поразительным сходством с традиционной формой сердца. Его также называют «цветок сердца» или «дама в ванне».

Растение известно тем, что ядовито при контакте и смертельно опасно при приеме внутрь.

И, подобно мифической богине Персефоне, оно

¹ «Разбитое сердце», или дицентра великолепная, – однолетнее и многолетнее травянистое растение, знаменитое оригинальными цветками в форме сердечек.

цветет только весной.

Плейлист

Sub Urban – Cradles

Bishop Briggs – River

White Stripes – Hardest Button to Button

Gogol Bordello – Sally

Milk & Bone – Peaches

Nick Cave and the Bad Seeds – Red Right Hand

Пролог

Персефона

Моя история любви началась со смерти.

Со звука, с которым моя душа разбилась о пол хосписа, словно хрупкий фарфор.

И с тетушки Тильды, которая увядала на больничной койке, а ее дыхание дребезжало в пустых легких, словно одноцентовая монета.

Я промочила слезами ее больничный халат, сжимая ткань в маленьких кулачках и не обращая внимания на мамины тихие просьбы отойти от ее больной сестры.

– Пожалуйста, не уходи, тетушка, – прохрипела я.

Рак распространился на легкие, печень и почки, отчего моей тете было мучительно тяжело дышать. Последние несколько недель она спала сидя, то приходя в себя, то отключаясь.

Когда мне было двенадцать, смерть казалась абстрактным понятием. Реальным, но все же чуждым и далеким. Чем-то, что случалось с другими семьями, с другими людьми.

Тетушка Тильда больше никогда не подхватит меня на руки, поигрывая по мне пальцами, будто по воображаемой гитаре.

Никогда не заберет нас с Белль из школы с пакетами, полными нарезанных яблок и клубники, когда наши родители

работают допоздна.

Она больше никогда не заплетет мне косу, нашептывая волшебные сказания о греческих богах и трехглавых монстрах.

Тетя заправила пряди светлых локонов мне за ухо. В ее глазах так ощутимо мерцала болезнь, что я могла почувствовать ее вкус на языке.

– Не уходить? – фыркнула она. – Боже мой, какое громкое слово. Я бы никогда так не сделала, Перси. Живая, мертвая, в небытии, я всегда буду рядом с тобой.

– Но как? – Я потянула ее за халат, цепляясь за ее обещание. – Как я узнаю, что ты правда здесь, когда твоего тела не станет?

– Просто посмотри вверх, глупышка. Небеса всегда будут нашими. Там мы и встретимся среди солнечных лучей и облаков.

Когда стояло жаркое, влажное лето, мы с тетужкой Тильдой ложились на траву возле реки Чарльз и наблюдали за облаками. Они прибывали и уносились, как пассажиры на железнодорожной станции. Сначала мы считали их. Затем выбирали самые пушистые и забавные по форме. А потом давали им имена.

Мистер и миссис Тучия и Облок Облоктон.

Дымка и Туманный Холодок.

Тетужка Тильда верила в волшебство, в чудеса, а я? Ну а я верила в нее.

И пока моя старшая сестра Эммабелль гонялась за белками, играла с мальчишками в футбол и лазала по деревьям, мы с тетушкой Тильдой любовались небом.

– Ты подашь мне знак? – не отступала я. – Что ты там, на небе? Пошлешь молнию? Дождь? О, знаю! Может, на меня накакает голубь.

Мама положила руку мне на плечо. Выражаясь словами моей сестры Белль: мне нужно утомониться, да поскорее.

– Давай договоримся, – предложила тетя, беззвучно посмеиваясь. – Как ты знаешь, облака надежнее падающих звезд. Они обычные, но все равно волшебные. Когда придет время, и ты вырастешь, попроси о том, чего хочешь – хочешь по-настоящему, – как только увидишь одинокое облако на небе, и я дарю тебе это. Так ты поймешь, что я наблюдаю. Ты получишь только одно чудо, Персефона, поэтому будь осторожна в своих желаниях. Но я обещаю: каким бы ни было твоё желание, я исполню его для тебя.

Я хранила свое Облачное Желание одиннадцать лет, оберегая его, как семейную ценность.

Я не воспользовалась им, когда ухудшились мои оценки.

Когда Эллиот Фрейзер в десятом классе придумал мне прозвище Писифона Членрайз, и оно привязалось до окончания школы.

Даже когда папу уволили, а «Макдоналдс» и горячая вода стали редкой роскошью.

В итоге я растратила Облачное Желание в одно безрас-

судное мгновение.

На злосчастную страсть, глупую влюбленность, безответную любовь. На мужчину, которого все СМИ называли Злодеем.

На Киллиана Фитцпатрика.

Три года назад

В день свадьбы моей лучшей подруги Сейлор я напилась еще до полудня.

Обычно я была веселой во хмелю. Ответственной. Из числа тех, кто, выпив, говорит чуть громче, смеется, похрюкивая, и танцует так, будто никто не видит. Но при этом вызывает Uber, спасает друзей от неудачных мимолетных связей и никогда не позволяет никому поблизости сделать татуировку, о которой они пожалеют на следующее же утро.

Но не в этот раз.

На этот раз я напилась до состояния «запускайте Энолу-Гей»². Накидалась так, что могла закончить в больнице

² Энола-Гей – стратегический бомбардировщик ВВС США, сбросивший первую атомную бомбу на Хиросиму.

под капельницей, с залетом и судимостью.

У меня было множество причин напиться, и я бы назвала их все, если бы могла устоять на ногах.

Дело в том, что сейчас было самое неподходящее для недомогания время. Я была подружкой невесты. Двадцатитрехлетней – *барабанная дробь, пожалуйста*, – девочкой, несущей букет!

Странно ли быть взрослой девушкой, несущей букет? Во-все нет. Это честь.

Ну ладно. Это было немного неловко.

И под «неловко» я подразумеваю «вопиюще унизительно».

И все же о том, чтобы отказаться, не могло быть и речи.

Я же Персефона.

Беззаботная, невозмутимая, легко приспосабливающаяся к трудностям, ответственная подруга.

Та, что поддерживала мир и бросала все, когда кому-то была нужна помощь.

Эшлинг, которая вот-вот станет золовкой Сейлор, должна нести шлейф длиной в два с половиной метра, как Пиппа Миддлтон³, а моя сестра Эммабелль отвечала за кольца.

Часовня Тернового Венца была роскошным местом для проведения свадеб на побережье штата Массачусетс. Средневековый замок, высящийся на краю скалы, мог похвастать-

³ Младшая сестра принцессы Уэльской Кэтрин Миддлтон, которая несла шлейф ее платья во время свадьбы с принцем Уильямом.

ся пятьюдесятью акрами старинной архитектуры, завезенным из Франции известняком, частными садами и видом на океан. Номер для новобрачных представлял собой апартаменты овсяного цвета с ванной на декоративных ножках, верандой и четырьмя полностью оборудованными туалетными столиками.

Все расходы на роскошную свадьбу оплачивались семьей жениха, Хантера Фитцпатрика. Выходя замуж, Сейлор высоко поднималась по социальной лестнице.

Фитцпатрики стояли плечом к плечу с Рокфеллерами, Кеннеди и Мердоками.

Богатые, могущественные, влиятельные (по крайней мере, по слухам) и с таким количеством скелетов в шкафу, которого хватило бы, чтобы открыть кладбище.

В голове не укладывалось, что девчонка, с которой я в детстве играла в классики и которая давала мне подстричь ей челку, меньше чем через час станет американской принцессой.

Еще большим безумием было то, что именно она познакомила меня с мужчиной, который теперь занимал девяносто процентов мыслей в моей голове и почти все мои мечты.

Злодеем, который разбил мне сердце, даже не заметив моего бесконечного присутствия.

Пытаясь протрезветь, я расхаживала по комнате и остановилась у окна. Склонилась над подоконником и подняла лицо к летнему небу. Одинокое облако лениво плыло за солн-

цем, тая обещание прекрасного дня.

– Тетушка Тильда, не ожидала тебя здесь увидеть! Как ты?

Я уже не впервой говорила с облаком, будто оно было моей покойной тетей, поэтому не могла винить степень своего опьянения в этой конкретной причуде.

– Похоже, погода сегодня прекрасная. Сейлор это оценит. Как я выгляжу?

Я покрутилась перед окном в платье цвета сосновых иголок и игриво взмахнула волосами.

– Думаешь, он, наконец, заметит меня?

Облаку не нужно было отвечать, чтобы я узнала ответ – нет.

Он меня не заметит.

Никогда не замечал.

Я очень сомневалась, что он вообще знал о моем существовании.

Я знала его пять лет, а он до сих пор не сказал мне ни слова.

Судорожно вздохнув, я взяла цветы, которые сорвала возле номера, поднесла к носу и жадно вдохнула. Они по-весеннему пахли теплом и свежестью.

Сами цветки были розового цвета, а формой напоминали сердечко. Я вплела несколько в волосы, часть которых была собрана на макушке.

Я уколола палец об один из них и, поднеся его к губам, высосала выступившую каплю крови. Вязкая жидкость по-

пала в рот, и я застонала.

– Знаю, знаю, я должна просто забыть о нем. Жить дальше.

Я быстро облизала все пальцы от цветочного сока.

– Между романтиком и идиотом тонкая грань. Мне кажется, я уже балансирую на ней на четыре года дольше, чем следовало бы.

Я таила свою одержимость старшим братом Фитцпатриком последние пять лет. Половину долбаного десятилетия. Сравнивала каждого парня, с которым встречалась, с этим недостижимым финансовым магнатом, бросала на него мечтательные взгляды и навязчиво зачитывалась всей доступной информацией в прессе. Простое решение забыть о нем ничего не изменит. Я уже пробовала.

Надо действовать по принципу «все или ничего».

В этом случае мне нужно воспользоваться желанием тетушки Тильды и попросить, чтобы я смогла жить дальше.

Я уже собралась загадать желание, но едва начала произносить слова, в горле встал ком.

Я бросила цветы, которые держала в руке, и поплелась к зеркалу. Шею укутала сыпь, словно ладонь властного мужчины. Красное пятно расползлось ниже, уходя в ложбинку между грудей. Каждый сантиметр моей кожи становился ярко-красным.

Откуда у меня аллергическая реакция, черт подери? Все утро я была слишком взволнована, а потому ничего не ела.

Может, это все от зависти.

Зеленый монстр с острыми зубами вырывался из моего сердца. Напоминал о том, что это я мечтала стать невестой, а не Сейлор, чтоб тебя!

Конечно, это было не по-феминистски, не вдохновляюще, не прогрессивно, но оттого не переставало быть правдой. Моей правдой.

Я хотела выйти замуж, хотела белый заборчик из штакетника, хотела, чтобы смешливые малыши в подгузниках свободно разгуливали по моему заднему двору, а за ними бегали пахучие лабрадоры.

Каждый раз, когда я позволяла себе подумать об этом (что случалось нечасто), то становилось трудно дышать от чувства несправедливости. До встречи с Хантером Сейлор была самым асексуальным созданием на свете, после медицинской маски для лица.

И все же она в итоге вышла замуж раньше всех нас.

Стук в дверь вывел меня из оцепенения.

– Перс? – пропела с другой стороны моя старшая сестра Эммабелль – или просто Белль. – Церемония начнется через двадцать минут. Что ты так долго возишься?

Что ж, Белль, я поразительно похожа на Читос и цветом, и внешним видом.

– Лучше поторапливайся. Нашу девочку уже дважды стошнило в мусорку в лимузине. Она обматерила жениха за то, что не сбежал в Вегас, а один из ее наращенных ногтей

разыгрывает Амелию Эрнхарт⁴.

– Что ты имеешь в виду? – прокричала я через дверь номера.

– Он исчез. Надеюсь, не в ее прическе. – Я услышала улыбку в голосе сестры. – О, кстати. Можешь принести кольцо Хантера, если его брат не объявится, чтобы его забрать? Строго говоря, это задача Киллиана, но он, наверное, в саду, сдирает кожу с какой-нибудь сотрудницы и шьет из нее модные пальто.

Киллиан.

При упоминании его имени свело живот.

– Поняла. Буду через пять минут.

Я услышала стук каблуков сестры, когда она ушла обратно к ожидающему лимузину.

Я обвела комнату взглядом.

Как мне избавиться от этой дурацкой сыпи?

Мысленно щелкнув пальцами, я огляделась в поисках сумочки Эшлинг «Эш» Фитцпатрик, и нашла ее на кровати. Порылась внутри, перебрав пластыри, швейцарский нож и косметичку размером с большой палец. У нее точно должны быть антигистаминные средства. Она же девчонка-скаут, готовая к любой ситуации, будь то сыпь, сломанный ноготь, мировая война или внезапная пандемия.

⁴ Первая женщина-пилот перелетевшая Атлантический океан. В один из полетов самолет Амелии бесследно исчез над океаном. Причина ее гибели до сих пор остается загадкой.

– Есть! – Вытащила тубик с успокаивающей кожу мазью из украшенной бриллиантами сумки Hermes.

Я втирала крем в кожу, довольная своей пьяной личностью, как вдруг дверь позади меня распахнулась.

– Пять минут, Белль. – Мое внимание было все еще приковано к покрытым пятнами рукам. – Да, я помню, кольцо Хантера...

Я подняла взгляд. Моя челюсть отвисла, а все остальные слова так и застряли в горле. Мазь выпала из рук.

На пороге стоял Киллиан «Килл» Фитцпатрик.

Старший брат Хантера Фитцпатрика.

Самый завидный холостяк Америки.

Наследник с каменным сердцем и высеченным из мрамора лицом.

Недосыгаемый, как луна, и такой же холодный и непоколебимый.

А самое главное: мужчина, которого я втайне любила с того дня, как впервые увидела.

Его каштановые волосы были зачесаны назад, а глаза – как пара манящих янтарей. С ободком медового цвета, но напроочь лишённые теплоты. На нем был смокинг в эдвардианском стиле, массивные часы Rolex и слегка хмурый вид человека, который считал обузой любого, кого не мог поиметь или на ком не мог заработать денег.

Он всегда был спокойным, молчаливым и сдержанным, никогда не привлекал к себе внимания, но все равно завла-

девал им всюду, где бы ни появился.

В отличие от брата и сестры, Киллиан не был красив.

Во всяком случае, в общепринятом понимании. Черты его лица были слишком резкими и выраженными, ухмылка слишком насмешливой. Сильная челюсть и глубоко посаженные глаза не гармонировали друг с другом в симфонии безупречных черт. Но было в нем нечто до неприличия прекрасное, что казалось мне более привлекательным, чем бесхитростность в достойном Аполлона совершенстве Хантера или красоте похожей на Белоснежку Эшлинг.

Киллиан был темной колыбельной, манившей меня пасть в его когтистые лапы и уютно устроиться в его мраке.

И я, очень кстати названная в честь богини весны, жаждала, чтобы земля разверзлась и поглотила меня. Жаждала упасть в его подземный мир и никогда оттуда не возвращаться.

Ух ты. Последняя выпитая «Мимоза» и правда добила все оставшиеся клетки моего мозга.

– Киллиан, – пролепетала я. – Добрый день. Привет. Здравствуй. – *Как красноречиво, Перс.*

Я дополнила свое приветствие тем, что почесала шею. Такое уж мое везение, что я впервые оказалась с ним наедине, когда выгляжу и чувствую себя, будто шар из лавы.

Киллиан неспешно направился к сейфу с ленивой грацией большой кошки, источая истинную опасность, от которой у меня поджались пальцы на ногах. Его безразличие часто

заставляло меня сомневаться, что я вообще нахожусь с ним в одной комнате.

– Лимузин отъезжает через три минуты, Пенроуз.

Так значит, я все-таки существовала.

– Спасибо.

Дыхание стало затрудненным, медленным, и я начала понимать, что мне, возможно, придется вызвать «Скорую».

– Волнуешься? – сумела произнести я.

Никакой реакции.

Металлическая дверь сейфа открылась с механическим щелчком. Киллиан достал оттуда черную бархатную коробочку с кольцом Хантера, а затем остановился на мгновение, чтобы посмотреть на меня. Его взгляд прошелся от моего красного лица и рук к бело-розовым цветам на моей голове. На его лице что-то промелькнуло – мимолетное сомнение – после чего он покачал головой и пошел обратно к двери.

– Подожди! – закричала я.

Он остановился, но оборачиваться не стал.

– Мне нужно... мне нужно... – *Видимо, словарный запас полущие.* – Мне нужно, чтобы ты вызвал «Скорую». Кажется, у меня аллергическая реакция.

Он развернулся на каблуках и окинул меня оценивающим взглядом. С каждой секундой под его пристальным взглядом моя температура снижалась на десять градусов. Находиться в одном пространстве с Киллианом Фитцпатриком было уникальным переживанием. Все равно что сидеть в темном

пустом соборе.

В этот момент мне очень хотелось быть моей сестрой Эммабель.

Она бы велела ему засунуть свое высокомерие в одно место. А потом утащила бы его после церемонии в один из частных садов и уселась ему на лицо.

Но я не Белль. Я Персефона.

Застенчивая, милая, примерная девочка Перси.

Перс, которая занимается сексом только в миссионерской позе и с выключенным светом.

Неуклюжий романтик.

Любительница угождать.

Скучная.

На мгновение наступила тишина, а потом он шагнул обратно в комнату и закрыл за собой дверь.

– В этой хорошенькой головке совсем пусто?

Киллиан вздохнул, бросил пиджак на кровать, а потом расстегнул запонки. Закатал рукава рубашки по мускулистым предплечьям, не сводя с меня недовольного взгляда.

Мое тело решило, что сейчас самое время рухнуть на пол, поэтому так и сделало. Я повалилась на ковер, тяжело дыша и с трудом пытаюсь сделать следующий вдох.

Так вот как себя чувствовала тетюшка Тильда.

Оставшись равнодушным к моему падению, Киллиан включил кран над ванной с декоративными ножками, стоящей посреди комнаты, и повернул его в сторону синей от-

метки, чтобы вода была ледяной.

Довольный ее температурой, он подошел ко мне, перевернул на живот носком ботинка, будто мешок с землей, и опустил ладонь мне на поясницу.

– Что ты... – ахнула я.

– Не волнуйся. – Он сорвал с меня платье с корсетом одним протяжным движением. Окружающее пространство пронзил звук рвущейся ткани и отлетающих пуговиц. – Маленькие девочки не в моем вкусе.

У нас и правда была разница в возрасте. Двенадцать лет так просто не оставишь без внимания. Однако меня это никогда не беспокоило.

А что и впрямь беспокоило, так это моя нынешняя степень наготы. Я дрожала под ним, словно осиновый лист.

– Что ты наделал, черт возьми? – взвизгнула я.

– У тебя отравление, – констатировал Киллиан.

Его слова привели меня в чувство.

– Что?

В ответ он пнул лежащие рядом со мной розовые цветы в дальний конец комнаты.

Мое дыхание стало более поверхностным, затрудненным. Жизненная сила покидала мое тело. Отзвук воды, льющейся в ванну, был монотонным и успокаивающим, и внезапно я почувствовала себя, как выжатый лимон. Мне хотелось спать.

– Я нашла их в саду возле номера, – пробормотала я, еле

шевелия губами. А потом вытаращила глаза, как только кое-что осознала. – И на вкус тоже попробовала.

– Кто бы сомневался, – его голос сочился сарказмом.

Киллиан закинул меня на плечо и отнес в уборную. Бросив мое обмякшее тело возле унитаза, он за волосы приподнял мою голову. Колени заныли от боли. Он был отнюдь не нежным.

– Я вызову у тебя рвоту, – объявил он и безо всяких дальнейших вступлений сунул мне два своих крупных пальца прямо в горло. Глубоко. Я подавилась, и меня тут же вырвало, пока он придерживал мою голову.

Говоря словами Джо Экзотика, я никогда от этого не оправлюсь. Киллиан держит мои волосы, пока вызывает у меня рвоту.

Я опустошала желудок, пока Киллиан не убедился, что в нем больше ничего не осталось. Только после этого он вытер мое лицо голый рукой, даже не смутившись остатками рвоты.

– А ш-што это воо-ще такое? – пролепетала я, опустив голову на стульчак. – За цветы.

Он с пугающей легкостью подхватил меня на руки, пронес через всю комнату и бросил на кровать. Я была совершенно голый, если не считать стрингов телесного цвета.

Я слышала, как Киллиан роется в шкафчиках. Открыла глаза. Прихватив аптечку, он достал оттуда маленький пузырек с лекарством и шприц, а потом, нахмурившись, прочел крошечную инструкцию на флаконе и ответил:

– «Разбитое сердце». Известны тем, что красивы, редки и ядовиты.

– Совсем как ты, – тихо сказала я. Неужели я правда отпускаю шуточки, лежа на смертном одре?

Киллиан пропустил мое захватывающее наблюдение мимо ушей.

– Ты чуть не отравила всю часовню, Эммалинн.

– Я Персефона. – Я нахмурила брови.

Странно, что я едва могла дышать, но все же сумела обидеться за то, что он спутал меня с моей сестрой.

– А мою сестру зовут Эммабелль, а не Эммалинн.

– Ты уверена? – спросил он, не поднимая взгляда, затем вставил шприц во флакон и набрал в него жидкость. – Не припомню, чтобы младшенькая была такой болтливой.

Я запомнилась ему как Младшенькая. *Зашибись*.

– Уверена ли я, что я та, кто есть, или в том, как зовут мою сестру? – Я снова принялась чесаться со скромностью одичалого людоеда. – В любом случае ответ утвердительный. Я уверена.

Моя старшая сестра была незабываемой.

Более шумной, высокой, соблазнительной; с волосами ослепительного оттенка шампанского. Обычно я была не против, что она меня затмевала. Но мне было тошно оттого, что Килл запомнил Эммабелль, а не меня, пусть и неправильно произнес ее имя.

Я впервые в жизни обиделась на сестру.

Килл опустился на край кровати и хлопнул себя по коленке.

– Ко мне на колени, Цветочница.

– Нет.

– При разговоре со мной в твоём лексиконе вообще не должно быть такого слова.

– Оказывается, я полна сюрпризов. – Я шевелила губами, уткнувшись в постельное бельё. Знала, что у меня текут слюны. Теперь, когда дышать стало легче, я заметила, что у меня изо рта пахнет рвотой.

Повернула голову в другую сторону. Возможно, умереть – не такая уж плохая мысль. Мужчина, которым я одержима на протяжении многих лет, был большим мерзавцем и даже не знал моего имени.

– Мне плевать, если я умру, – прохрипела я.

– Мне тоже, милая. Но, к сожалению, тебе придётся сделать это под присмотром кого-то другого.

Киллиан обхватил меня руками и перекинул через свои ноги. Моя грудь распласталась по его мускулистым бедрам, соски терлись о его брюки. Моя задница оказалась вровень с его лицом, представ перед ним во всей красе. К счастью, я так ослабла, что даже не могла испытывать смущение.

– Замри.

Он осторожно ввел иглу в мою правую ягодицу, медленно выпуская жидкость в кровоток. Стероиды сразу же подействовали на организм, и я набрала полные легкие кислорода,

приоткрыв рот возле его бедра. Я застонала от облегчения и выгнула спину дугой. Почувствовала, как к моему телу прижался его член. Он был толстым, длинным, и тянулся вдоль большей части живота. Этой штуковине место в чехле для винтовки, а не во влагалище.

Интрига нарастает.

Но не только из-за этого.

Мы пробывали в этом положении еще секунд десять: я восстанавливала дыхание, жадно глотая драгоценный воздух, а он с удивительной нежностью вынимал цветы из моих волос. Киллиан завернул цветы в салфетку, а потом несколько раз ее сложил. Опустил ладонь на мою ягодицу и медленно вынул шприц, отчего по моему телу пронеслась дрожь желания.

Я опустила голову на кровать.

Я была постыдно близка к оргазму.

– Спасибо, – тихо сказала я, упершись ладонями в кровать, чтобы подняться. Он надавил рукой мне на поясницу, чтобы я снова легла ему на колени.

– Не двигайся. Ванна будет готова с минуты на минуту.

Он обладал жуткой, раздражающей способностью обращаться со мной по-свински, в то же время спасая мне жизнь. Застыв в состоянии опьянения, благодарности и унижения, я выполнила его указания.

– Итак. Персефона. – Киллиан произнес мое имя, будто пробуя его на вкус, пока спускал мои трусики по ногам своими длинными пальцами. – Твои родители наперед знали,

что ты будешь невыносима, и заранее наказали тебя именем стриптизерши, или они в то время увлекались греческой мифологией?

– Имя мне дала тетушка Тильда. Временами она боролась с раком груди. На той неделе, когда я родилась, она как раз выздоровела после первого курса химиотерапии. Моя мама в качестве подарка разрешила ей выбрать мне имя.

Теперь, по прошествии времени, понятно, что они потопились с празднованиями. Через несколько лет рак вернулся в полную силу и забрал жизнь моей тети. Но я хотя бы провела с ней несколько хороших лет.

– Они не могли отказать. – Киллиан бросил мои трусики на пол.

– Мне нравится мое имя.

– Оно вульгарное.

– Оно имеет свое значение.

– Ничто не имеет значения.

Я повернула голову, чтобы бросить на него сердитый взгляд, а мои щеки так и пылали от злости.

– Как скажете, доктор Сьюз.

Киллиан снял с меня туфли, оставив полностью обнаженной. Скинул меня на кровать, встал и выключил кран, а потом сел на край ванны.

– Дама в ванне. – Он покрутил пальцем в воде, проверяя температуру.

Я приподняла голову с кровати.

– Еще одно название цветка «разбитое сердце», – сухо пояснил он. – Садись.

Он повернулся ко мне спиной, давая личное пространство. Я опустила ногу в ванну и сделала резкий вдох. Вода была ледяной.

Киллиан переписывался по телефону, пока безумно холодная вода успокаивала мою кожу. После укола я уже чувствовала себя намного лучше. Но, хоть и выдала почти все, что съела и выпила утром, я все еще не протрезвела. Между нами повисла тишина, нарушаемая персоналом и координаторами мероприятия, которые выкрикивали распоряжения за стенами номера. Я знала, что, несмотря на неловкость ситуации, у меня не будет другой возможности рассказать ему о своих чувствах. Обстоятельства играли против меня. Если не брать во внимание его эрекцию, возникшую оттого, что я голая лежала у него на коленях, казалось, Киллиана отвращал сам факт моего существования.

Сейчас или никогда. А «никогда» – слишком долгий срок, чтобы жить без любимого мужчины.

– Я хочу тебя. – Я опустила голову на прохладный бортик ванны.

Слова окутали стены и потолок, правда наполнила воздух, заряжая его электричеством. Использовать слово на букву «Л» было слишком интимным. Я знала, что испытываю к нему любовь, даже несмотря на его грубое поведение, но также знала, что он ни за что мне не поверит.

Киллиан продолжал копаться в телефоне. Может, он меня не услышал.

– Я всегда тебя хотела, – сказала я громче.

Никакой реакции.

Я продолжала, словно жажда наказания, а моя гордость и уверенность планомерно рушились.

– Порой я хочу тебя так сильно, что становится больно дышать. А иногда эта боль помогает отвлечься от желания, которое я к тебе испытываю.

Стук в дверь заставил Киллиана вскочить. На пороге стояла Эшлинг, держа в руках точную копию платьев подружки невесты, которые мы все надели.

– Ты сказала, тебе нужно мое запасное платье? Зачем вообще... – Она замолчала, глядя на меня из-за плеча своего брата. Ее глаза вспыхнули.

– Мать божья. Неужели вы двое...

– Да ни за что на свете, – огрызнулся Киллиан, вырывая платье из рук сестры. – Задержи лимузин. Она спустится через пять минут.

С этими словами он захлопнул дверь у нее перед носом, а потом запер вдобавок.

Ни за что на свете.

Жгучая паника вместе со старым добрым чувством стыда понеслась по моим венам.

Меня настигла реальность.

Я отравилась.

Спяну бессвязно лепетала перед Киллианом.

Позволила ему раздеть меня, вызвать рвоту, сделать укол и бросить в ванну.

Потом призналась ему в вечной любви, пока мой рот все еще украшали остатки рвоты.

Килл с серьезным видом бросил мне в руки халат.

– Вытрись.

Я вскочила на ноги и принялась делать, как велено.

Он повернулся ко мне с запасным платьем Эшлинг в руках, помогая его надеть.

– Я не хочу твоей помощи, – процедила я, чувствуя, как пылают щеки.

Глупая, глупая, глупая.

– Мне плевать, чего ты хочешь.

Поджав губы, я наблюдала за его темной фигурой в зеркале, пока он завязывал корсет быстрее и сноровистее любой швеи, которую я когда-либо видела за работой. Это было неожиданно. Его пальцы, словно по волшебству, управлялись с лентой, умело продевая ее в колечки, чтобы связать меня, как подарок с бантом.

Меня вдруг осенило: Киллиан понял, что я отравилась, как только вошел в комнату и увидел цветы в моих волосах, но не предложил мне помощи, пока я сама не попросила его вызвать «Скорую».

Я могла умереть.

Он не шутил, когда сказал, что спас меня только потому,

что не хотел, чтобы я умерла у него на глазах – ему было искренне наплевать.

Киллиан потянул за атласные завязки моего платья, затягивая его вокруг меня.

– Ты делаешь мне больно, – шикнула я, с прищуром глядя в зеркало перед нами.

– Вот и поделом тебе за разбитое сердце.

– Ты про цветок или орган?

– И то и другое. Одно – быстрый яд. Второе – медленный, но такой же разрушительный. – Я не сводила с него глаз в отражении. Грациозный, самоуверенный. Всегда держался с достоинством и высокомерием, никогда не сквернословил и был самым педантичным человеком из всех, кого я знала.

Именно это восхищало меня в нем больше всего. Тонкий налет правильности, окутывавшей бурлящий внутри него хаос. Я знала, что под безупречной внешностью скрывалось что-то неукротимое и опасное.

Это казалось мне нашим секретом. Безупречный Киллиан Фитцпатрик на самом деле был не лишен изъяна. И все, чего я хотела, это выяснить, в чем он заключался.

– Ты не собирался мне помогать. Думал оставить меня умирать, – мой голос прозвучал пугающе спокойно. С каждой секундой я становилась все более трезвой. – Почему помог?

– Отравленная подружка невесты создаст нелестные отзывы в прессе.

– А говорят, эпоха рыцарства мертва, – съязвила я.

– Она, может, и мертва, а ты нет, так что замолчи и будь благодарна. – Он снова дернул за атласные завязки. Я поморщилась.

В его словах был смысл. Киллиан не только спас мне жизнь этим утром, но к тому же даже не попытался вытворить какую-нибудь глупость и наверняка опаздывал, как и я теперь, потому что мне хватило ума нарвать ядовитых цветов.

– Спасибо, – неохотно пробормотала я.

Он приподнял бровь, будто спрашивая: «За что»?

– За то, что повел себя как джентльмен, – пояснила я.

Мы встретились взглядом в зеркале.

– Я не джентльмен, Цветочница.

Он закончил, в последний раз дернув за ленты, а потом отошел и взял свой пиджак с кровати. Мне нужно было соображать на ходу и побыстрее. Мой взгляд устремился к окну. Одинокое облако все еще виднелось на небе.

Наблюдало за мной.

Дразнило меня.

Ждало, когда я им воспользуюсь.

Ты получишь только одно чудо.

Это того стоило.

Я сделала глубокий вдох и произнесла слова вслух, не желая схалтурить, если прилагались какие-то дополнительные условия мелким шрифтом, и мне нужно было проделать весь

фокус целиком.

– Я хочу, чтобы ты влюбился в меня.

Слова вырвались из моего рта, подобно вьюге, заставив Киллиана замереть на полпути к двери. Он обернулся, а на его лице застыла маска непоколебимой жестокости.

Сделав вдох, я продолжила:

– Я хочу, чтобы ты влюбился в меня так сильно, что не мог больше ни о чем думать. Не мог есть. Не мог дышать. Перед смертью тетя Тильда обещала мне одно чудо. Вот мое желание. Твоя любовь. За пределами твоих стен изо льда есть целый мир, Киллиан Фитцпатрик, и он полон смеха, радости и тепла. – Я сделала шаг в его сторону, и колени задрожали. – Я отплачу за твою любезность. Я спасу твою жизнь по-своему.

Заклинание.

Чары.

Надежда.

Мечта.

Впервые с тех пор, как он вошел в комнату, я увидела на его лице нечто сродни любопытству. Даже мое обнаженное тело, распростертое у него на коленях, не вызвало почти никакой реакции. Но это? Мои слова пробили его оболочку, пусть даже оставили в ней только крошечные трещины. Киллиан нахмурил брови и устремился ко мне, стирая расстояние между нами в три уверенных шага. Снаружи Белль и Эшлинг колотили в дверь кулаками, крича, что мы опаздываем.

В это мгновение вся моя жизнь утратила четкость. Моя тщательно выстроенная фантазия превращалась в кошмар.

Киллиан пальцем приподнял мой подбородок и пристально посмотрел в глаза.

– Послушай меня внимательно, Персефона, потому что я скажу это только один раз. Ты выйдешь из этой комнаты и забудешь о том, что знаешь меня, в точности, как я до этого момента не замечал твоего существования. Ты встретишь милого, адекватного, скучного парня. Идеально подходящего твоей милой, адекватной, скучной персоне. Ты выйдешь за него, родишь от него детей и будешь благодарить свою счастливую звезду за то, что я не оказался настолько похотливым, чтобы принять твое не слишком завуалированное предложение. Своим отказом я делаю тебе подарок. Прими его и беги без оглядки.

Киллиан впервые улыбнулся, и его улыбка была такой неприятной, такой безумной, что у меня перехватило дыхание. Его улыбка сказала мне, что он не был счастлив. Уже много лет. Может, даже десятилетий.

– За что ты меня ненавидишь? – прошептала я.

Перед глазами все расплылось от слез, но я не давала им пролиться.

– Ненавижу тебя? – Он вытер мои слезы тыльной стороной ладони. – У меня нет чувств, Персефона. Не только к тебе. Их нет вообще. Я неспособен испытывать к тебе ненависть. Но вместе с тем я никогда, никогда тебя не полюблю.

Первая

Персефона

Настоящее

Булыжник на тротуаре впивался в мои ступни сквозь подошву дешевых туфель, пока я крепила велосипед к стойке.

На улицу в Норт-Энде опустилась темнота. Работники паба кидали намокшие, пузатые мешки с мусором в пасти промышленных контейнеров, болтая, смеясь и не обращая внимания на потоки дождя, льющегося с неба.

Я мысленно молилась, чтобы они оставались на улице, пока я благополучно не доберусь до дома. Я ненавидела возвращаться домой поздно, но не могла отказаться от подра-

ботки няней, которую мне предложили после рабочих часов в школе. Подобрав подол промокшего платья, я поспешила к двери. Открыла ее и со вздохом облегчения прижалась к ней спиной.

В темноте ко мне устремилась чья-то рука, схватила за запястье и швырнула меня через все помещение. Я ударилась спиной о лестницу, и боль пронзила меня от копчика до самой шеи.

– Миссис Вейтч. Не ожидал вас здесь увидеть.

Несмотря на кромешную темноту, я узнала голос Колина Бирна. Он был вкрадчивым, низким и с легкой насмешкой, подчеркивающей южный акцент.

– Я мисс Пенроуз. – Я вскочила на ноги, смахивая пряди мокрых волос с лица и отряхивая колени. Щелкнула выключателем.

Коридор залил желтый свет. Том Камински (для знакомых просто Камински) – шестерка и головорез Бирна, стоял позади худощавого, покрытого морщинами ростовщика, скрестив на груди мощные руки.

Бирн подошел ко мне вплотную, и от сильного запаха его одеколона у меня сработал рвотный рефлекс.

– Пенроуз? Не-а, на твоих водительских правах другая фамилия, малышка Перси.

– Я попросила развод. – Я отступила от него на шаг, контролируя выражение лица.

– Ну а я просил тройничок с Деми Ловато и Тейлор

Свифт. Похоже, наши с тобой желания не исполнятся, ку-колка. Дело в том, что ты замужем за Пакстоном Вейтчем, а Пакстон Вейтч задолжал мне денег. Хренову тучу денег.

– То-то и оно. Тебе их задолжал Пакстон, – пылко возразила я, зная, что вступаю в битву без шансов на победу. Бирн не станет слушать. Никогда не слушал. – Это он делал ставки. Он терял деньги в твоих заведениях. Ему и разбираться с этим бардаком, а не мне.

Колин взял мою руку, поглаживая безымянный палец, на котором не было кольца. Оставшаяся на его месте линия загара глядела на нас в ответ, напоминая, что мои отношения с Паксом не были делом давно минувших дней.

Мало того что я все еще была за ним замужем, но к тому же по-прежнему соблюдала данные мной клятвы. Я ни с кем не встречалась с тех пор, как Пакс сбежал. Черт, я даже навещала его бабушку в доме престарелых каждую неделю и приносила ей песочное печенье и ее любимые кулинарные журналы.

Она была одинока и не виновата в том, что ее внук оказался мерзавцем.

– Пакс исчез, а его хорошенькая женушка отказывается сообщать, где мне его найти. – Мягкий голос Бирна проник в мои мысли, пока сам он поигрывал моими пальцами.

– Его жена не знает, где он. – Я попыталась вырвать руку, но тщетно. – Но зато умеет пользоваться перцовым баллончиком. Тут частная территория.

Я не хотела, чтобы Белль, которая была наверху, услышала шум в коридоре и вышла из квартиры посмотреть, что происходит. Она ничего не знала о моей ситуации, а я не сомневалась, что моя свирепая сестра без колебаний достала бы принадлежащий ей пистолет и проделала дыру в голове каждого из этих ублюдков, если бы стала свидетельницей этой сцены.

Я не хотела обременять Белль своими проблемами. По крайней мере, этой конкретной проблемой. Тем более после всего, что она уже для меня сделала.

– Используй свои прекрасные исследовательские навыки, чтобы это выяснить, – широко улыбнулся Бирн. – В конце концов, тебе удалось ухватить самого паршивого мужа в Новой Англии. Ты же нашла его когда-то, значит, сможешь сделать это снова. Верь в себя.

– Мы оба знаем, что я не имею ни малейшего понятия, с чего начинать поиски. Его телефон выключен, мои электронные письма возвращаются, как недошедшие, а его друзья отказываются со мной разговаривать. Нельзя сказать, что я не пыталась. – Я грубо оттолкнула лицо Колина рукой, за которую он меня держал.

Он не шелохнулся. Только крепче сжал мои пальцы.

– В таком случае, боюсь, что его долг теперь твой. А как же «в болезни и в здравии, в богатстве и в бедности»? Как там говорится в клятве? – Бирн щелкнул пальцами, обращаясь к стоящему позади него Камински.

Тот усмехнулся, демонстрируя ряд гнилых зубов.

– Без понятия, босс. Никогда не был в браке. И не собираюсь.

– Умный парень.

Бирн поднес мою руку ко рту и оставил холодный поцелуй на тыльной стороне ладони, скользнув языком между указательным и средним пальцами, чтобы показать, что он хотел сделать с моим телом. Я подавила приступ рвоты и вдохнула через нос. У него прекрасно получилось напугать меня до чертиков, и он знал об этом. Бирн был ростовщиком, печально известным тем, что всегда возвращал свои долги, а мой муж задолжал ему больше ста тысяч долларов.

Он прижал мою мокрую ладонь к своей щеке, а потом уткнулся в нее носом.

– Прости, Персефона. Ничего личного. Мне нужно взыскать долг, и если не сделаю это в ближайшее время, люди решат, что допустимо брать у меня деньги и не возвращать их обратно. Если ты заинтересована в том, чтобы вернуть мне долг другой валютой, то я могу набросать план. Я разумный человек. Но ты в любом случае вернешь мне долг своего мужа, так что лучше поторопись, потому что с каждой неделей процент здорово растет.

– На что ты намекаешь? – Сердце билось о грудную клетку, как отбойный молоток, будто было готово покинуть корабль и убежать из здания без меня.

За те несколько месяцев, что Бирн и Камински наносили

мне еженедельные визиты, такая мысль даже не приходила в мою голову. Ради всего святого, я же воспитательница в детском саду. Где я найду сто тысяч долларов? Даже мои почки столько не стоят.

Да, я настолько отчаялась, что загнули.

– Я говорю, что, если ты не можешь выплатить задолженность, тебе придется ее отработать.

– Да выкладывай уже, Бирн, – процедила я, а каждый нерв в теле напрягся от моей готовности сунуть руку в сумочку, схватить перцовый баллончик и распылить эту дрянь в глаза им обоим. Каким бы озабоченным типом он ни был, сомневаюсь, что он откажется от ста тысяч ради того, чтобы уложить меня в свою постель.

– Обслуживать мужчин с сомнительной внешностью и чистоплотностью. – Колин виновато улыбнулся. – Ты привлекательная девка, Вейтч, даже в этих тряпках. – Он потянул за мое испачканное, дешевое платье. – Полгода ежедневной работы в моем стрип-клубе в две смены, и можем считать, что мы квиты.

– Да я скорее умру, чем буду танцевать у шеста, – возмутилась я, давя ему в глазницы пальцами руки, за которую он держал. Бирн уклонился, запрокинув голову назад, но мне удалось оставить несколько царапин на его щеке.

Камински шагнул вперед, собираясь вмешаться, но Бирн со смехом отмахнулся.

– Ты не будешь танцевать, – сказал он, а его глаза искри-

лись весельем. – Ты будешь лежать на спине в VIP-комнате. Хотя не могу обещать, что не придется стоять на четвереньках, если будут готовы доплатить.

Рвотный позыв усилился втрое, перекрывая трахею. Холодная испарина покрыла каждый сантиметр моего тела.

Бирн хотел использовать меня как проститутку, если я не верну деньги, которые ему задолжал Пакстон. Все восемь месяцев, на протяжении которых пропадал Пакстон, я по глупости надеялась, что он поступит правильно и объявится в последний момент, чтобы устранить учиненный им бардак, в эпицентре которого меня оставил.

Надеялась, что он даст мне развод, который я выпрашивала у него за несколько дней до его исчезновения.

Я цеплялась за свою злость, не позволяя ей превратиться в смирение, ведь тогда мне пришлось бы признать, что это моя проблема.

А теперь я наконец смирилась с неопровержимыми фактами, которые уже были известны Бирну.

Пакстон никогда не вернется.

Теперь мне предстоит разбираться с его проблемами.

Мне нужно найти решение и как можно скорее.

– А если я не заплачу? – Я сжала челюсти. Я не расплачусь перед ними, что бы ни случилось. Пускай я не такая дерзкая и свирепая, как моя старшая сестра, но все равно родом из Южного района Бостона.

Милый романтик, но все же дикарка.

Тяжелые ботинки Бирна тихо застучали, когда он направился к выходу из здания.

– Тогда мне придется сделать из тебя назидательный пример для других. А это, уверяю, мисс Вейтч, причинит мне намного больше боли, чем вам. Всегда очень печально, когда жене приходится брать на себя бремя ошибок своего мужа. – Он остановился возле двери и покачал головой с отстраненным выражением лица. – Но если я закрою на это глаза, то потеряю уважение улиц. Ты заплатишь. Либо деньгами, либо телом, либо кровью. До скорого, Перси.

Дверь со щелчком закрылась за двумя мужчинами. Сверкнула молния, окрашивая их очертания за стеклом в ослепляюще яркий синий цвет. Они побежали к черному «Хаммеру», стоящему через дорогу, спешно забрались внутрь и помчались обратно в клоаку, из которой вылезли.

Я, спотыкаясь, поднялась в квартиру сестры. Я жила у нее с тех пор, как Пакстон сбежал восемь месяцев назад. Повернув ключ в скважине дрожащей рукой, я толкнула дверь.

За аренду я не платила. Белль думала, что Пакс украл и забрал с собой все деньги, которые мы с ним откладывали на покупку дома. Это правда. Он в самом деле забрал все наши деньги. Чего сестра не знала, так это того, что он не просто спустил все мои сбережения в подпольном казино, но и я к тому же оказалась из-за него в долгах.

– Перс? Елки-палки. На улице гроза. – Белль потерла глаза, потягиваясь на диване. На ней была безразмерная фут-

болка с надписью Fries Before Guys⁵. По телевизору шла корейская дорама, а на плоском животе сестры лежал пакет крендельков с арахисовым маслом. В груди кольнуло от зависти, пока я наблюдала, как она лежит, беззаботная и ослабленная.

Ей не нужно было гадать, доживет ли она до следующей недели, не торгуя при этом своим телом в грязном стрип-клубе на юге Бостона.

Ей не целовал, не облизывал и не выкручивал руку Колин Бирн, а запах его дешевого одеколona не стоял у нее в носу по несколько дней после его визита, отчего у нее сводило бы желудок.

Она не ворочалась по ночам, размышляя, как спасти себя от чудовищной смерти.

Я повесила свою потрепанную ветровку возле двери. Квартира Эммабелль была крохотной, но модной: студия с паркетным полом, современными обоями с изображением пальм, потолком темно-зеленого цвета и экстравагантной разномастной мебелью. Все, чем она владела и что носила, говорило о ее смелой, утонченной личности. Мы вместе спали в ее односпальной кровати.

– Извини. Родители Шеннон отправились в кинотеатр под открытым небом и, наверное, увлеклись. Я даже не знала, что такие кинотеатры еще существуют. А ты? – Я сняла ды-

⁵ «Подружки важнее парней», шутливая фраза, придуманная по аналогии с известной мужской версией – Bros before hoes – «Сначала друзья, а телки потом».

рявые туфли у входа и скрыла отчаяние за улыбкой.

Возможно, мне стоит признать поражение и поступить так же, как Пакстон. Сесть на ближайший рейс из Штатов и исчезнуть.

Только, в отличие от Пакстона, я была привязана к городу, в котором выросла. Я не могла представить жизни без своей сестры, родителей и друзей.

У Пакстона никого не было. Он осиротел в возрасте трех лет и воспитывался бабушкой Гретой и различными родственниками. Его перекидывали из дома в дом, когда с ним становилось слишком трудно. Он рассказал мне об этом, как только мы сошлись, и я сразу прониклась сочувствием.

– Кинотеатры под открытым небом? Конечно. Некоторые из моих любимых сексуальных приключений случились в кинотеатре «Солано». Но сейчас такой сильный ливень, сомневаюсь, что им удалось что-нибудь посмотреть. Нужно было позвонить мне. Я бы заехала за тобой. Ты же знаешь, что сегодня у меня выходной. – Сестра пошевелила пальцами ног под покрывалом.

Вот именно. Сегодня у нее выходной. Кто я такая, чтобы занимать единственный свободный вечер в ее распоряжении? Она заслуживала заниматься тем, чем занималась. Запоем смотреть телешоу, есть фастфуд и нацепить на лицо маску, купленную со скидкой в дисконтном универмаге.

– Ты и так слишком много для меня делаешь.

– Потому что этот ублюдок Пакс тебя кинул. Напомни,

почему ты за него вышла?

– Из-за любви? – Плюхнувшись рядом с ней на диван в вельветовой обивке горчичного цвета, я со вздохом опустила подбородок ей на плечо. – Я думала, что соблюдаю наш договор.

Когда-то давно, когда мы учились в колледже, Сейлор, Эммабелль, Эшлинг и я договорились, что выйдем замуж только по любви. Сейлор первой сдержала свое слово. Но ей довелось влюбиться в мужчину, что боготворил землю, по которой она ходила, был похож на брата Хемсворта и располагал таким количеством денег, что мог основать новую страну.

Я была второй в нашей банде, кто выскочил замуж. Хватило нескольких торопливых поцелуев под тщательно подстриженными кустами, чтобы я совершила величайшую ошибку в своей жизни. Пакстон Вейтч был предыдущим Камински Колина. Простой солдат, который подрабатывал охранником в частном секторе. Пакстон всегда утверждал, что работал вышибалой в одном из баров Колина. Говорил, что уйдет, как только подыщет более стабильную работу.

Спойлер: он ее никогда и не искал. Мало того что ему нравилось быть головорезом, так он к тому же любил спускать выплаченные Бирном деньги в его же заведениях в свободное от работы время.

Только когда стало уже слишком поздно, я узнала, что Пакстон вовсе не был вышибалой. Он зарабатывал на жизнь

тем, что ломал руки, носы и спины, а его полицейское досье было толще «Властелина колец». Я никогда не рассказывала Белль, Эшлинг и Сейлор о том, что Пакс был шестеркой в бандитской шайке. Мои подруги любили его почти так же сильно, как и Хантера, и я не хотела рушить их иллюзии.

В любом случае Пакстон был не так уж плох. Он был красивым, забавным и невероятно добродушным в начале наших отношений. Повсюду оставлял мне любовные послания, каждый вечер собирал мне обед на следующий день, посылал цветы безо всякого повода и устраивал спонтанный отпуск в «Дисней Уорлд», и тогда мы отправлялись во Флориду на своей побитой машине, ели паршивый фастфуд на заправках и во все горло подпевали Поле Абдул и группе Wham! из моего плейлиста.

Надежный парень, который предложил бесплатно покрасить весь дом моих родителей перед тем, как они выставят его на продажу, купил мне обручальное кольцо, потратив на него все свои деньги, и всегда был рядом, когда я нуждалась в нем.

Пока не перестал таковым быть.

Я думала, что смогу помочь ему встать на правильный путь; что любовь все преодолеет.

Оказалось, она не сумела одолеть его зависимость от азартных игр.

– Ты все еще веришь в эту дрянь? – Белль наклонила пакет с крендельками в мою сторону в знак угощения, чем вырвала

меня из размышлений.

– В какую? – Я взяла один и принялась жевать, не чувствуя вкуса. За последние несколько месяцев я страшно похудела. Таков побочный эффект наследования тяжелых проблем Пакстона.

– Любовь. – Белль приподняла бровь. – Ты все еще веришь в нее после того, как Пакс обгадил самую идею любви, а потом предал ее огню?

– Да. – Я почувствовала, как краснеют уши, и скрыла смущение смешком. – Плачевно, да?

Сестра похлопала меня по бедру.

– Хочешь поговорить об этом?

Я помотала головой.

– Хочешь выпить по этому поводу?

Я кивнула. Она рассмеялась.

– И пиццу разогрею.

При мысли о еде меня затошнило. Но я знала, что Белль начала что-то подозревать из-за моей потери веса и проблем со сном.

– Отличная идея. Спасибо.

Она встала и побрела на кухню. Я наблюдала, как она открыла дверцу холодильника, покачивая задом в такт своему нескладному посвистыванию.

– Белль? – Я прокашлялась.

– Ммм? – Она засунула кусок пиццы в микроволновку и установила таймер на тридцать секунд.

– Как думаешь, что будет с Паксом? – Я взяла подушку и прижала к груди, дергая за торчащую нитку. – Я ведь не могу вечно оставаться замужем за ним? Я ведь буду свободна от этого брака, если он не объявится?

Белль достала банку пепси из холодильника, постукивая пальцем по губам, пока размышляла над моим вопросом.

– Ну, расторгнуть брак – это тебе не в туалет сходить. Не думаю, что можно так просто от него отделаться, но ты точно сможешь выбраться, если приложишь усилия. Этот человек почти год не объявлялся. Тебе нужно накопить денег, нанять хорошего адвоката и покончить с этим бардаком.

Мне. Оплатить юридическую помощь. Ага.

– Ты же знаешь, что рано или поздно тебе придется это сделать, – сказала сестра уже чуть тише. – Обратись за юридической помощью. Прижми этого ублюдка.

– На какие деньги? – вздохнула я. – И прошу, не предлагай мне снова взять займы. Я просто откажусь.

Белль работала клубным промоутером в одном из самых эпатажных заведений Бостона – «Мадам Хаос». Она обладала невероятным талантом в своей области и привлекала клиентуру, от которой у владельцев слюнки текли, но пока она отнюдь не была финансово обеспеченной. К тому же я знала, что она откладывала деньги, чтобы вложиться в предстоящую реконструкцию «Мадам Хаос» и стать партнером.

– Допустим, ты слишком гордая, чтобы брать деньги у меня – твоей родной сестры, заметь, – но все же хочешь полу-

читать юридическую помощь. Я бы обратилась к Сейлор и попросила дать в долг. — Ее голос зазвучал пылко, отчаянно. — У Фитцпатриков достаточно гребанных денег, чтобы сделать изваяние в форме члена размером со статую Свободы. От Сейлор не станут требовать, чтобы заем поскорее вернули, у тебя не набегит никаких процентов, и она знает, что тебе можно верить. Со временем ты все вернешь.

— Я не могу. — Я помотала головой.

— Почему? — Она достала пиццу из микроволновки, выложила ее на бумажную тарелку и, неторопливо подойдя к дивану, бросила ее на подушку, которую я сжимала в объятиях. — Съешь все, Перс. Ты просто кожа да кости. Мама думает, что у тебя расстройство пищевого поведения.

— У меня нет расстройства пищевого поведения, — нахмурилась я.

Белль закатила глаза.

— Блин, да знаю я. Всего восемь месяцев назад ты проглотила три блюда в «Чизкейк Фэктори» и запила все это «Маргаритами», таблетками от изжоги и сожалениями. Ты переживаешь из-за чего-то, и я хочу, чтобы ты вышла из этого состояния. Попроси денег у Сейлор!

— Ты с ума сошла? — Я взмахнула кусочком размякшей пиццы. — У нее нет времени на мою нервотрепку. Она же только что сообщила нам, что беременна.

Три дня назад во время наших традиционных еженедельных посиделок с едой на вынос Сейлор сообщила нам оше-

ломляющую новость. Было много визга и слез. В основном от нас с Эш, в то время как Сейлор и Эммабелль безучастно смотрели на нас и ждали, когда мы прекратим истерику.

– И? – Белль склонила голову набок. – Она и беременная может дать тебе денег, знаешь ли. Женщины известны своей многозадачностью.

– Она начнет волноваться. К тому же я не хочу быть той самой подругой-неудачницей.

– Речь же всего о нескольких тысячах долларов.

О сотне тысяч.

Но моя сестра этого не знала.

Именно по этой причине я не обратилась к Сейлор.

– Просто подумай об этом. Даже если тебе неловко обращаться к Сейлор и Хантеру, этот социопат Киллиан дал бы тебе денег. Конечно, он заставит тебя попотеть – клянусь, этот ублюдок вызывает такое же сильное раздражение, как и желание сесть ему на лицо, – но ты уйдешь с деньгами.

Киллиан.

После происшествия в номере, мои подруги и сестра потребовали объяснить, что между нами было. Я рассказала им правду. Во всяком случае, большую ее часть. О «разбитом сердце» и уколе стероидов, умолчав о том, как я призналась ему в любви и наложила на него заговор.

Зачем вдаваться в подробности?

Со временем мне удалось забыть Киллиана. С трудом. Даже воспоминание о том, как он меня спас, померкло и разве-

ялось, как и моя выходка с загаданным на облако желанием, которую я была твердо намерена стереть из памяти.

С того дня я больше не разговаривала с тетусшкой Тильдой. В тот день я перестала замечать одинокие облака на небе и старалась жить дальше.

Я влюбилась.

Вышла замуж.

Почти развелась.

Киллиан, однако же, оставался все тем же мужчиной, что вышел из того номера.

Неподвластным времени, молчаливым.

Насколько я знала, он по-прежнему был одинок и ни с кем не встречался (ни всерьез, ни как иначе), с тех пор как отверг меня в день свадьбы Сейлор и Хантера.

Восемь месяцев назад – на той неделе, когда исчез Пакстон, – Килл принял бразды правления «Королевскими трубопроводами» – нефтяной компанией своего отца, и официально стал генеральным директором.

И как я раньше о нем не подумала?

Киллиан «Килл» Фитцпатрик – мой лучший шанс раздобыть деньги.

Он был предан только самому себе, умел хранить секреты, а любимым его занятием было наблюдать, как другие чувствуют себя не в своей тарелке.

Он уже помогал мне прежде и сделает это снова.

Для него сто тысяч баксов – мелочь на карманные расхо-

ды. Он дал бы мне деньги только ради того, чтобы посмотреть, как я, сгорая от стыда, опускаю в его почтовый ящик свои жалкие чеки с ежемесячными выплатами, которые ничего для него не значат. Я бы даже согласилась снять заговор, во время которого сказала ему, что он в меня влюбится.

Впервые за долгое время я почувствовала, как у меня потекли слюнки.

Не из-за пиццы, а из-за решения проблемы, которое уже почти было у меня в руках.

У меня есть план.

Путь к отступлению.

Старший брат Фитцпатрик снова меня спасет.

В отличие от моего мужа, мне было достаточно правильно разыграть карты.

Вторая

Персефона

– Прости, дорогуша, не думаю, что тебе сегодня светит увидеть мистера Фитцпатрика. – Тощая личная помощница демонстративно взмахнула собранными в хвост волосами платинового цвета, растянув алые губы в злобной ухмылке.

Она облачилась в виниловое платье розового цвета, в котором была похожа на БДСМ-Барби, облилась таким количеством духов, что в нем можно было бы утопить выдру, и нацепила выражение лица той, кто скорее умрет, чем позволит другой женщине претендовать на ее босса.

Закончив работу, я сразу же заявила в «Королевские

трубопроводы» без предупреждения и попросила о встрече с мистером Фитцпатриком. Сейлор упоминала о том, что Хантер, который тоже работал в семейной компании, сегодня сопровождал ее на первый прием у акушера-гинеколога и ушел рано. Я не хотела, чтобы Хантер увидел меня и рассказал об этом моим подругам.

Когда я пришла, личная помощница Киллиана не переставала дуться все время, пока разговаривала с ним по телефону.

— Здра-а-а-асьте, мистер Фитцпатрик. Это Кейси Брандт.

Пауза.

– *Ваша помощница последние два года, сэр.*

Пауза.

— Да! С розовым. — Она захихикала. — Простите, что беспокою, но тут мисс Персефона Пенроуз без предварительной записи.

Пауза.

– Она сказала, что ей нужно срочно с вами поговорить, но, типа, отказалась дать мне дополнительную информацию?

Уж не знаю, к чему эта вопросительная интонация. Впрочем, почему его личная помощница выглядела так, будто ей самое место рассекать в розовом «Шевроле-Корвет» на пару с пластиковым бойфрендом Кеном и щенком по кличке Таффи, мне тоже было неясно.

– Да, я знаю, что получить от нее информацию – моя работа. К сожалению, она совсем несговорчива, сэр.

Пауза.

– Да, сэр. Я ей сообщу.

Она посмотрела на меня, как на жвачку, прилипирую к подошве ее туфель на двадцатипятисантиметровых шпильках.

– Похоже, мистер Фитцпатрик не может вписать вас в свой график.

– Скажи ему, что я не уйду, пока он меня не примет, – мой голос дрожал, но я не могла уйти, не увидевшись с ним. Не попытавшись.

Она замешкалась, покусывая покрашенную блеском губу. Я дернула подбородком в сторону телефона.

– Ну же, передай ему мой ответ.

Так она и сделала, а потом швырнула трубку интеркома.

– Он сказал, что у него совещание, которое, скорее всего, продлится несколько часов.

– Ничего страшного. У меня есть время.

Это было два часа назад.

Роскошный вестибюль на этаже, который занимало руководство «Королевских трубопроводов» сверкал золотыми акцентами. Мониторы, следящие за акциями компании на всех мировых рынках, светились зеленым и красным цветами.

Кейси все больше суежилась, стуча кончиками острых ногтей по хромированному столу.

– Мне нужно в дамскую комнату, – раздраженно сказала она, доставая косметичку из лежащей под столом сумки.

Я оторвала взгляд от журнала о нефти и газе, который якобы читала.

– Да ну? – ласково переспросила я. – Ты не полностью приучена к горшку? Знаешь, я воспитатель в детском саду. Маленькие происшествия меня нисколько не беспокоят. Нужна помощь в туалете для больших девочек?

Она бросила на меня убийственный взгляд.

– Никуда не уходи, разве что обратно в трейлер-парк, из которого пришла. – Она остановилась, разглядывая мою дешевую одежду. – Или в ад.

Каблуки ее туфель с красной подошвой застучали по полу в направлении уборной, оставляя вмятины на покрытии.

Как только Кейси скрылась из вида, я вскочила и бросилась вперед. Кабинет Киллиана был самым большим и роскошным на этаже. Было легко заметить среди них тот, который подходил самому успешному и влиятельному человеку.

Поспешив к нему, я смогла увидеть только спину посетителя через стеклянную дверь. Мужчина, который скрывал Киллиана от моих глаз, был широкоплечим, с золотистыми волосами, одет в шикарный костюм и обладал безупречной осанкой. Похоже, они увлечены беседой, но мне было все равно. Без стука распахнув дверь, я ворвалась в кабинет, по-

ка не струсила.

К сожалению, моего эффектного появления оказалось недостаточно, чтобы заставить Киллиана оторвать взгляд от сидящего перед ним мужчины. Они склонились над кипой бумаг, разбросанных по его серебристому столу.

– ...акции растут, но я все равно заметил тенденцию с негативными статьями в прессе. Сказать, что СМИ тебя недолюбливают, было бы явным преуменьшением. Все равно что сказать, будто океан влажный. Солнце теплое. Меган Фокс всего лишь сексу...

– Суть я уловил, – отрезал Киллиан. – Как нам исправить ситуацию?

– Полагаю, полная пересадка личности исключена? – протянул мужчина.

– Единственное, что сейчас будет пересажено, так это моя нога в твою задницу, если не предложишь решение.

Суровая публика. Мне предстоит столкнуться с суровой публикой.

– Черт возьми, Киллиан, – раздраженно сказал шикарный мужчина, – ты начал путь в должности генерального директора с увольнения девяноста процентов руководства и бурения скважин в Арктике. Поклонников ты точно не завоевал.

– Срезал лишний жир.

– Люди любят жир. Ежегодный доход индустрии фаст-фуда составляет двести пятьдесят шесть миллиардов долларов. Ты знал об этом? Люди, которых ты уволил, общались с

журналистами, подливая масла в огонь и выставляя тебя одним из главных злодеев страны. «Королевские трубопроводы» уже считаются самой ненавистой компанией в Штатах. Взрыв на нефтеперерабатывающем заводе в Мэне, климатический съезд «Зеленой жизни», на котором восемнадцатилетняя девчонка сломала обе ноги...

– Не я сломал ей ноги, – перебил Киллиан, подняв ладонь. – К сожалению.

– Как ни крути, ты должен взяться за ум. Сыграй в их игру. Поддерживай здоровый, располагающий имидж. Нужно восстановить репутацию компании.

У мужчины был приятный британский акцент. Величественный, пропитанный претенциозностью и источающий властность. Он был игриво отрешенным. Загадочным. Я не могла понять, был ли он хорошим или плохим парнем.

– Ладно. Поцелую пару младенцев. Спонсирую нескольких студентов. Пожертвую средства на открытие нового больничного крыла. – Киллиан откинулся на спинку кресла и снова опустил взгляд на лежащие перед ним документы.

– Боюсь, мы уже миновали этап лобзания младенцев. Пора, Килл.

Киллиан, нахмурившись, поднял голову.

– Я не стану жертвовать личной жизнью, чтобы успокоить кучку лицемерных, разъезжающих на «теслах» придурков...

– Киллиан? То есть, мистер Фитцпатрик? – Я прокашлялась и вмешалась в разговор, пока не прозвучало еще боль-

ше информации, не предназначенной для моих ушей.

Оба мужчины обернулись и удивленно на меня посмотрели. С голубыми глазами с золотистыми крапинками, челюстью, будто из гранита, и изящным носом, британец был настолько красив, что это должно быть запрещено законом.

А Киллиан... Что ж, он был все так же великолепен в своей собственной «иди-ты-нахрен» манере.

Килл приподнял бровь. Мое появление в кабинете несколько его не удивило.

– Я не хотела мешать...

– Но все же помешала, – перебил он.

– Прошу прощения. Можно с тобой переговорить?

– Нет, – отрезал он.

– Это важно.

– Не для меня. – Он бросил документы на стол, уже выглядя незаинтересованным. – Ты которая из сестер Пенроуз? Та, что старшая и шумная, или младшая и назойливая?

По прошествии стольких лет, он до сих пор не мог отличить нас с Эммабелль друг от друга. Мы даже не были похожи. Не говоря уже о том, что он видел меня голой, как в день моего появления на свет (а еще такой же раскрасневшейся).

И я снова поймала себя на том, что разрываюсь между желанием соблазнить и уязвить его.

– Я Персефона. – Я сжала опущенные вдоль тела руки в кулаки, вспоминая, как больно мне было, когда он разбил мое сердце. Как невероятно глупо я чувствовала себя после

того, как пыталась наложить на него это дурацкое заклинание.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Ладно, – процедила я. – Я та, что назойливая.

Киллиан снова сосредоточился на лежащих перед ним папках, бегло их просматривая.

– И чего ты хочешь?

– Поговорить с тобой наедине, пожалуйста.

– Врываться в мой офис без предупреждения было лишним. А ожидания, будто я не выгоню тебя вон, указывают на то, что специальность ты получила в местном филиале Sam's Club⁶. Выкладывай, мистер Уайтхолл – мой адвокат.

– Адвокаты тоже люди, – заметила я. Моему унижению зрители не нужны.

– Спорно, – великолепный блондин сверкнул злобной ухмылкой. – И вообще... – Он встал с кресла, бегая между нами взглядом, а в его холодных глазах плясало веселье. – У меня есть дела поважнее, чем смотреть, как вы двое устраиваете словесную прелюдию. Счастливо, Килл.

Мужчина собрал документы, дважды постучал стопкой по столу и поспешил прочь. Температурой кабинет Киллиана напоминал промышленный холодильник. Все вокруг было аккуратным, минималистичным, организованным и серебристо-хромированным. Холодным и намеренно пугающим.

⁶ Американская сеть центров оптовой и мелкооптовой торговли клубного типа, управляемых Walmart.

– Можно мне войти? – Я разгладила свое цветастое платье. Даже не обратила внимания, какое платье надела, когда вышла сегодня утром из дома, но теперь от меня не ускользнула ирония.

Он повернулся в кресле лицом ко мне, опустив скрещенные в лодыжках ноги на стол. Его темно-серый костюм с жилетом и рубашкой смотрелся так, будто был сшит прямо на нем. Пускай с годами моя одержимость Киллианом Фитцпатриком превратилась в обиду, я не могла отрицать, что он был настолько харизматичным, что на его фоне Микеле Морроне⁷ становился похож на Стива Бушеми⁸.

– У тебя ровно десять – нет, давай лучше пять, – минут до того, как я вызову охрану. – Он перевернул песочные часы на столе. – Устрой мне краткую презентацию, Цветочница. Постарайся.

Цветочница.

Он помнил.

– Ты натравишь на меня охрану?

– У меня много дел и мало терпения. Четыре с половиной минуты. – Киллиан хрустнул костяшками пальцев.

Я так спешила пересказать все подробности, что закружилась голова. Рассказала ему о том, как Пакстон водил меня к

⁷ Итальянский актер, певец и модель, известный главной ролью в фильме «365 дней».

⁸ Американский актер и режиссер, в частности известен по роли бога в сериале «Чудотворцы».

наемникам. О Колине Бирне и Томе Камински. О его огромном долге. Я даже сообщила ему о том, как Бирн грозился, что сделает из меня проститутку или убьет, если я не найду деньги. Когда я закончила, Киллиан лишь кивнул в ответ.

– Тебе удалось уложиться меньше чем за три минуты. Возможно, ты не совсем уж непутевая.

Раздавшийся позади грохот заставил нас одновременно повернуть головы. Кейси прижалась к стеклянной двери, широко раскрыв глаза. Толкнула ее, обнажив искусственные зубы.

– Боже, простите, мистер Фитцпатрик. Она обещала, что не...

– Мисс Брандт, уйдите, – отрезал Киллиан.

– Но я...

– Расскажите это кому-нибудь другому.

– Я...

– Этот кто-то – не я.

– Сэр, я просто хотела, чтобы вы знали, что...

– Я знаю одно: вы не справились со своей работой и будете соответственно оштрафованы. Вы уйдете в ближайшие три секунды либо через дверь, либо через окно. Дружеский совет: выберите дверь.

Она умчалась как Хитрый койот из шоу «Луни Тюнз», разве что не оставив за собой облако из песка. Киллиан снова повернулся ко мне, не обращая внимания на ужас на моем лице.

– Ты только что угрожал выбросить Барби из окна. – Я указала большим пальцем себе за спину.

– Не угрожал, а намекал, – поправил он. – У тебя осталось меньше двух минут, а у меня порядка пятисот вопросов.

Ладони вспотели, несмотря на температуру в кабинете.

– Справедливо.

– Первый: почему я? Почему не Хантер, Сейлор или любой другой человек, которому на тебя не наплевать, уж прости за прямоту?

Я не могла рассказать ему о беременности Сейлор. Она еще не поделилась этой новостью со своей большой семьей. Как не могла рассказать и о том, что не хотела быть неудачницей в нашей дружеской компании. Той, кого надо спасать.

Я предпочла озвучить полуправду.

– Сейлор с Хантером не знают о том, что сделал Пакстон, а они единственные близкие мне люди, у которых есть такие деньги. Они в курсе, что Пакс бросил меня и забрал все наши сбережения, но ничего не знают о долге. Я не хочу портить дружбу со своей лучшей подругой, ставя ее в такое положение. Я посчитала, что у нас с тобой нет общего прошлого, никаких связей. Между нами вышло бы исключительно деловое соглашение и ничего больше.

– Почему не Сэм Бреннан?

Сэм был старшим братом Сейлор и, насколько мне известно, хорошим другом Киллиана. Правящим королем бостонского подполья. Лихим психопатом с особой склонностью к

насилию и карманами, такими же глубокими, как и его бездушные серые глаза.

– Связываться с Бреннаном, чтобы расплатиться с уличным ростовщиком – все равно, что отрубить себе руку из-за того, что сломала ноготь, – тихо ответила я.

– Думаешь, я не так опасен, как Бреннан? – Его губ коснулась тень улыбки.

– Нет. – Я выше подняла голову. – Но я думаю, тебе будет весело наблюдать, как я изворачиваюсь, пока возвращаю деньги, а потому, ты с большей вероятностью мне их дашь.

Его ухмылка была наглой и опасной, как заряженный пистолет.

Я была права. Он явно этим наслаждался.

– И где сейчас твой никчемный муж?

– Не знаю. Поверь мне, если бы знала, то гналась бы за ним даже на край земли. – Заставила бы его заплатить за содеянное.

– Как ты собираешься возвращать этот заем? – Килл провел тыльной стороной ладони по точеному подбородку.

– Постепенно. – Правда отдавала горечью во рту. – Я работаю воспитательницей в детском саду, но подрабатываю няней и репетитором для первоклашек и второклашек. Я буду работать день и ночь, пока не верну тебе все до последнего пенни. Даю слово.

– Твое слово ничего не значит. Я тебя не знаю. Что подводит меня к последнему вопросу: почему я должен тебе по-

могать?

Что это за вопрос такой? Почему нормальные люди помогают другим? Потому что это порядочно. Но Киллиан Фитцпатрик не был ни нормальным, ни порядочным. Он не играл по правилам.

Я открыла рот, пытаюсь придумать хороший ответ.

– Тридцать секунд, Персефона. – Он постучал по песочным часам, наблюдая за мной.

– Потому что можешь?

– С моими-то деньгами я могу вообще все что угодно. – Он зевнул.

– Потому что это правильно! – воскликнула я.

– Я нигилист.

– Я не знаю, что это значит. – Я почувствовала, как уши начинают гореть от стыда.

– Для меня правильное и неправильное – одна сторона медали, только преподнесенная по-разному, – равнодушно ответил он. – У меня нет ни морали, ни принципов.

– Ничего печальнее в жизни не слышала.

– В самом деле? – Киллиан оторвал взгляд от буклета, а на его лице застыла каменная маска жестокости. – А самое печальное, что в последнее время слышал я – это история о женщине, которую кинул ее пропавший муж, и теперь ее вот-вот продадут, убьют или сделают и то и другое.

– Именно! – воскликнула я, указывая на него. – Да! Понимаешь? Если со мной что-то случится, это будет на твоей

совести.

У меня задрожала нижняя губа, но я, как и всегда, сдержала слезы.

Киллиан бросил буклет через стол.

– Во-первых, и пары секунд не прошло, как я упомянул о том, что у меня нет совести. Во-вторых, что бы с тобой ни случилось – это будет на твой совести и совести того конечного клоуна, за которого ты вышла замуж. Я не стану очередным пунктом в твоём списке неверных решений.

– Брак с Пакстоном не был неверным решением. Я вышла замуж по любви.

Прозвучало жалко даже для моих ушей, но я хотела, чтобы он знал. Знал, что я не сидела сложа руки и тоскуя по нему все эти годы.

– Как и все девушки из среднего класса. – Он проверил время на песочных часах. – Какая скукота.

– Киллиан, – тихо обратилась я. – Ты моя единственная надежда.

Кроме него, мой единственный вариант – исчезнуть. Сбежать от семьи и друзей, от всего, что я знала, любила и ценила.

От жизни, которую я строила последние двадцать шесть лет.

Киллиан поправил галстук, прижатый под жилетом.

– Вот в чем дело, Персефона. Я принципиально ничего не даю, не получив что-то взамен. Единственное, что отли-

чает меня от того ростовщика, который тебя преследует, – это привилегированное воспитание и возможности. Я тоже не занимаюсь оказанием бесплатных услуг. Поэтому, если ты не скажешь, что конкретно я могу получить за сотню тысяч долларов, с которой ты просишь меня распрощаться, то я тебе откажу. Кстати, у тебя осталось десять секунд.

Я стояла с пылающими щеками и горящими глазами, а каждая мышца в моем теле была натянута, как тетива. По спине пробежал холодок.

Мне хотелось кричать. Наброситься на него. Обрушиться на пол пеплом. Выцарапать ему глаза, кусаться, драться с ним и... *делать то, что мне никогда не хотелось делать ни с кем, в том числе с врагами.*

– Пять секунд. – Киллиан снова постучал по песочным часам. Его прищуренные глаза искрились весельем. *Ему это нравилось.* – Сделай мне свое лучшее предложение, Пенроуз.

Он хотел, чтобы я отдала ему свое тело?

Свою гордость?

Душу?

Я не стану этого делать. Ни для Бирна. Ни для него. Ни для кого.

Оставшиеся секунды утекали, словно жизнь, покидавшая тело тетушки Тильды.

Он нажал пальцем на красную кнопку сбоку от стола.

– Всего хорошего, Цветочница. Во всяком случае, на оставшуюся часть жизни.

Киллиан развернулся в кресле к окну, держа в руке документы и готовясь вернуться к работе. Стеклопанная дверь позади меня распахнулась, и в кабинет вошли двое крепких мужчин в костюмах. Оба схватили меня под руки и потащили на выход.

Кейси ждала у лифта, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к стене, а ее щеки пылали от унижения.

– Не каждый день охрана выносит мусор. Видимо, все когда-то случается в первый раз. – Она потрянула волосами и расхохоталась, как гиена.

Весь путь до Норт-Энда я ехала на велосипеде и боролась со слезами.

Мой последний и единственный шанс пошел прахом.

Третья

Киллиан

– Мы беременны!

Хантер объявил об этом за ужином.

Мне хотелось стереть его самодовольную улыбку дезинфицирующим средством.

Или кулаком.

Или пулей.

Дыши, Килл. Дыши.

Его жена, Сейлор, погладила свой плоский живот. По большому счету, на мысли о материнстве она наводила не больше, чем съедобные стринги. А потому я сомневался, что кто-то из этих идиотов способен позаботиться о каком-то

более сложном, чем золотая рыбка, существе.

– Восемь недель. Срок еще ранний, но мы хотели вам сообщить.

Я сохранял бесстрастное выражение лица, хрустя под столом костяшками пальцев.

Более неподходящего времени они выбрать не могли.

Мама с пронзительным визгом вскочила с места и, заключив счастливую парочку в объятия, стала осыпать их поцелуями и похвалами.

Эшлинг без умолку твердила о том, что всегда мечтала стать тетей, и я бы начал беспокоиться насчет ее жизненных целей, если бы не то обстоятельство, что она вот-вот закончит мединститут и начнет ординатуру в женской больнице Бригэма в Бостоне. *Athair* пожал Хантеру руку, будто они заключили выгодную сделку.

В каком-то смысле так и было.

Джеральд Фитцпатрик предельно ясно дал понять, что ждет от своих сыновей наследников. Потомков, которые продолжат дело Фитцпатриков. Я был первым в очереди, старшим Фитцпатриком, а потому на мои плечи легла миссия не просто произвести на свет преемников, но и позаботиться о том, чтобы один из них был мужского пола и впоследствии взял на себя бразды правления «Королевскими трубопроводами», независимо от его любви к бизнесу и/или способностей.

Если у меня не будет детей, то должность, власть и состо-

ание достанется отпрыску, стоящему следующим в очереди на трон. Если точнее, ребенку Хантера.

Athair – отец на ирландском гаэльском – неловко похлопал свою невестку по спине. Он был велик – и ростом, и шири, и масштабами личности, – с копной седых волос, темными глазами и бледной кожей.

– Отличная работа, милая. Лучшая новость за весь год.

Я украдкой проверил свой пульс под столом.

Он был под контролем. *Едва-едва*.

Все повернули головы в мою сторону. С тех пор как отец покинул пост чуть меньше года назад и назначил меня генеральным директором «Королевских трубопроводов», я стал вожаком стаи и занимал место во главе стола во время наших ужинов по выходным.

– Ты ничего не скажешь? – Мама с натянутой улыбкой теребила жемчужное ожерелье.

Я поднял бокал с бренди.

– За новых Фитцпатриков.

– И за мужчин, которые их делают. – *Athair* залпом выпил свой напиток. Я встретил его выпад с холодной улыбкой. Мне тридцать восемь – я был на одиннадцать лет старше Хантера и не имел ни жены, ни детей.

Брак значился в самом конце моего списка первоочередных задач, где-то после ампутации одной из моих конечностей ножом для масла и прыжка с тарзанки без веревки. Мысль о детях тоже не вызывала у меня восторга. Они шум-

ные, бесконечно пачкаются и требуют повышенного внимания. Я откладывал неизбежное. Брак всегда входил в планы, ведь я даже не мечтал, что мне удастся отвертеться от рождения наследников и исполнения долга перед родом Фитцпатриков.

Создание семьи было частью более масштабного плана. Перспективой. Я хотел построить империю, многократно превосходившую ту, которую унаследовал. Династию, которая простиралась далеко за пределы нефтяного магнатства, коими мы сейчас являлись.

Однако я был твердо намерен сделать это ближе к пятидесяти годам и на условиях, которые вынудили бы большинство женщин пуститься наутек, да еще броситься с обрыва в придачу.

Вот почему вопрос о браке даже не обсуждался.

Вплоть до этой недели, когда мой друг и адвокат, Дэвон Уайтхолл, настоятельно призвал меня жениться, чтобы умирить потоки брани, направленные на «Королевские трубопроводы» и меня самого.

– Что ж, *athair*, – безучастно произнес я, – рад, что Хантер превзошел твои ожидания по части рождения наследников. – Такой исход был предсказуем и четко начертан спермой моего брата еще с тех времен, когда он протащил всех нас через пиар ад со своим домашним порно.

– Знаешь, Килл, сарказм – низшая форма остроумия. – Сейлор бросила на меня пронизывающий взгляд и сделала

глоток безалкогольной «Кровавой Мэри».

– Если бы ты была избирательным собеседником, то не вышла бы замуж за мужчину, который считает шутки про пердеж апогеем комедии, – парировал я.

– Шутки про пердеж и есть апогей комедии. – Хантер, который только наполовину эволюционировал в человека, выставил палец вверх. – Это факт.

Большую часть времени, я сомневался, что он обучен грамоте. Но все же он мой брат, а значит, на мне лежало элементарное обязательство его терпеть.

– Поздравлений было бы достаточно. – Сейлор взмахнула вилкой.

– Отвянь. – Я допил бренди и громко жажнул стаканом по столу.

– Милый! – ахнула мама.

– Знаешь, Килл, для таких, как ты, есть специальный термин, – ухмыльнулась Сейлор.

– Сволочи? – невозмутимо произнес Хантер, затем прижал два пальца к губам и изобразил, будто выронил невидимый микрофон.

Одна из слуг налила мне в опустевший бокал бренди на два пальца.⁹ Потом на три. Потом на четыре. Я не велел ей остановиться, пока алкоголь почти не полился через край.

– Следи за языком! – мать выпалила еще пару случайных

⁹ Выражение зародилось во времена Дикого Запада, когда бармены отмеряли объем выпивки, горизонтально прикладывая к бокалу два пальца.

слов.

– Ага. Я как раз свободно говорю, по крайней мере, на двух: английском и матерном, – хихикнул Хантер.

А еще он использовал слово «хрен» в качестве единицы измерения («до хрена»), участвовал в чудовищной расправе над английским языком («сконтачимся», «я че смекнул») и до женитьбы на Сейлор обеспечил нашей семье достаточно скандалов, чтобы мы могли превзойти даже Кеннеди.

Я же, однако, избегал богохульства любого рода, держал (нехотя) на руках младенцев во время публичных мероприятий и всегда был честным и прямолинейным человеком. Я был идеальным сыном, генеральным директором и Фитцпатриком.

С одним недостатком – я не был семьянином.

Оттого СМИ каждый месяц устраивали раздолье. Они прозвали меня Безразличным Киллианом, подчеркивая, что я любил быстрые машины и не состоял ни в одной благотворительной организации. А еще без конца тиражировали одну и ту же историю о том, как я отклонил предложение попасть на обложку финансового журнала наряду с другими мировыми миллиардерами из-за того, что все они (кроме Безоса) были далеки от моей группы налогоплательщиков.

– Почти, милый. – Сейлор похлопала Хантера по руке. – Социопаты. Мы называем таких людей, как твой брат, социопатами.

– Так вот оно что. – Хантер щелкнул пальцами. – И правда

вдыхает смерть в окружающее пространство.

– Ну-ну! – Джейн Фитцпатрик, она же дражайшая матушка, пыталась унять споры. – Мы все взволнованы пополнением в семействе. Мой самый первый внук. – Она сцепила руки, мечтательно глядя вдаль. – Надеюсь, первый из многих.

Вот уж сильно сказано для той, у кого материнский инстинкт, как у кальмара.

– Не волнуйся, ма, я намерен оплодотворять свою жену столько раз, сколько она мне позволит. – Хантер подмигнул своей рыжеволосой жене.

Мой брат был образцовым любителем переборщить с лишней информацией. И, возможно, обладателем лобковых вшей.

От приступа рвоты меня сейчас сдерживало только то, что ради него не стоило понапрасну тратить еду.

– Боже, я так завидую, Сейл! Мне не терпится стать матерью. – Эш подперла подбородок рукой и издала мечтательный вздох.

– Ты будешь прекрасной матерью. – Сейлор потянулась через стол и сжала ее руку.

– За ваших с твоим свояком воображаемых детей. – Хантер бросил в рот кусочек жареного картофеля и принялся жевать.

Эш вся покраснела. Впервые с начала ужина я испытал легкое изумление. Моя сестра питала безнадежную одержимость Сэмом Бреннаном, старшим братом Сейлор и парнем,

который работал на меня по контракту.

То обстоятельство, что она была тихоней, а он современным доном Карлеоне, нисколько ее не смущало.

– Ну а ты, *mo orga?* – *Athair* обратился ко мне.

Мое прозвище в переводе с ирландского гаэльского означало «мой золотой». Я был пресловутым современным Мидасом, который превращал все, к чему прикасался, в золото. Сформированное и отлитое в его руках. Впрочем, судя по тому, что с момента вступления в должность генерального директора, я не принес отцу ничего, кроме дурных статей в прессе, я уже не был уверен, что это прозвище мне подходит.

Дело было вовсе не в моей работе. В «Королевских трубопроводах» не было никого, кто мог превзойти меня навыками, знаниями или чутьем. Но я был бездушным, бесстрастным человеком. Противоположностью предводителя рода, которого люди хотели видеть во главе компании, ежедневно уничтожавшей тропические леса и лишавшей мать-природу ее естественных ресурсов.

– А что я? – Я нарезал лосося на равные крошечные кусочки. Мое обсессивно-компульсивное расстройство¹⁰ становилось более заметным, когда я оказывался под давлением. Выполнение каких-либо ритуалов давало мне чувство контроля.

¹⁰ Также невроз навязчивых состояний. При ОКР у больного непроизвольно появляются навязчивые, мешающие или пугающие мысли (так называемые обсессии). Он постоянно и безуспешно пытается избавиться от вызванной мыслями тревоги с помощью столь же навязчивых и утомительных действий (компульсий).

– Когда ты подаришь мне внуков?

– Предлагаю задать этот вопрос моей жене.

– У тебя нет жены.

– Видимо, детей в обозримом будущем у меня тоже не будет. Если только ты не относишься непредвзято к случайно зачатым внебрачным отпрыскам.

– Только через мой труп, – процедил отец.

Не искушай меня, старик.

– Когда вы объявите о беременности публично? – *Athair* обратился к Хантеру, потеряв интерес к обсуждению моего гипотетического потомка.

– Не раньше, чем в конце второго триместра, – подхватила Сейлор, бережно опустив ладонь на живот. – Мой акушер-гинеколог предупредила, что первый триместр самый сложный. К тому же это плохая примета.

– Но хороший заголовок для «Королевских трубопроводов». – Отец задумчиво потер подбородок. – В особенности после демонстрации «Зеленой жизни» и идиотки, которая умудрилась сломать обе ноги. Пресса крепко ухватила за эту историю.

Я устал об этом слушать. Можно подумать, «Королевские трубопроводы» имели отношение к тому, что какая-то тупица решила залезть на памятник моему деду на самой оживленной площади Бостона с рупором в руке и свалилась от туда.

Athair угостился третьей порцией запеченного в меду ло-

сося и заговорил, тряся всеми тремя подбородками.

– Последнюю пару лет *seann beag* был любимчиком прессы. Приятный, трудолюбивый, коммуникабельный. Исправившийся плейбой. Может быть, стоит сделать его лицом компании на ближайшие несколько месяцев, пока заголовки не утихнут.

Seann beag означало «малыш». Пускай Хантер был средним ребенком, мой отец всегда обращался с ним как с младшим. Возможно, потому что Эш была мудра не по годам, но, скорее всего, потому что в Хантере было зрелости, как в лейкопластыре.

Я положил приборы на стол, борясь с тиком в челюсти, и опустил руки под стол, чтобы снова похрустеть костяшками пальцев.

– Ты хочешь назначить моего двадцатисемилетнего брата главой «Королевских трубопроводов» только потому, что он сумел обрюхатить свою жену? – поинтересовался я ровным, спокойным голосом.

Я вкалывал в «Королевских трубопроводах» с раннего подросткового возраста и занял свое место возле трона ценой личной, социальной жизни и значимых отношений. А Хантер тем временем скакал в Калифорнии из одной оргии в другую, пока отец силой не притащил его обратно в Бостон, дабы тот взялся за ум.

– Послушай, Киллиан, в последнее время мы столкнулись с серьезной негативной реакцией из-за взрывов на заводе

и разведочного бурения скважин в Арктике, – проворчал *athair*.

Куллиан. Не то orga.

– Взрыв на нефтеперерабатывающем заводе случился еще при тебе, а моя установка разведочного бурения в Арктике, по всей вероятности, увеличит наш доход на пять миллиардов долларов к две тысячи тридцатому году, – заметил я, обводя большим пальцем край бокала с бренди. – За те восемь месяцев, что я занимаюсь этим делом, наши акции выросли на четырнадцать процентов. Не так уж и убого для начинающего гендира.

– Не из всех тиранов выходят плохие короли. – Он прищурился. – Твои достижения ничего не стоят, если люди желают свергнуть тебя с трона.

– Никто не хочет меня свергать. – Я бросил на него сочувственный взгляд. – Совет директоров прикрывает мне спину.

– А все остальные в компании хотят воткнуть в нее нож, – взревел он, ударив кулаками по столу. – Членов правления волнует одна только прибыль, и они проголосуют так, как я того захочу, если до этого дойдет. Не слишком расслабляйся.

Приборы зазвенели, тарелки полетели, вино разбрызгалось по скатерти, словно капли крови. Мой пульс по-прежнему был спокойным. Выражение лица безмятежным.

Держи себя в руках.

– Ты пугаешь собственных сотрудников, пресса тебя ненавидит, а для остальной общественности ты загадка. У тебя

нет собственной семьи. Нет спутницы жизни. Нет детей. Нет якоря. Не думай, что я не говорил с Дэвоном. Так уж вышло, что у нас с твоим адвокатом мысли сходятся. Тебе нужен кто-то, кто рассеет твой мрак, и как можно скорее. Разберись с этим, Киллиан, да побыстрее. Пресса называет тебя Злоде-ем. Пусть прекратит.

Я поджал губы, почувствовав спазм в челюсти.

– Ты закончил истерику, *athair*?

Отец оттолкнулся от стола и вскочил на ноги, указав на меня пальцем.

– Я называл тебя *mo orga*, потому что мне никогда не приходилось за тебя беспокоиться. Ты всегда делал все, что мне нужно, прежде чем я успевал попросить. Первый безупречный старший ребенок семьи Фитцпатрик за многие поколения с тех времен, когда твой пра-пра-прадедущка перебрался из Килкенни в Бостон на утлой лодке. Но это изменилось. Тебе скоро сорок, пора уже остепениться. В особенности если ты хочешь и впредь быть лицом этой компании. А если работа не служит для тебя достаточно сильным стимулом, то, позволь, я объясню. – Отец наклонился ко мне, и его глаза оказались на уровне моих глаз. – Следующий в очереди наследования – Хантер, и сейчас, следом за ним идет твой будущий племянник или племянница. Все, над чем ты трудился, будет передано ему. *Все*. А если напортачишь, я тоже позабочусь о том, чтобы тебя свергнуть.

Он вышел из обеденного зала, сорвав портрет всех троих

детей семьи Фитцпатрик со стены.

Мама вскочила с места и помчалась за управляющим имением – ясное дело, чтобы приказать ему сделать портрет заново и повесить в раму.

Я безмятежно улыбнулся, обращаясь к сидящим за столом.

– Нам же больше достанется.

Оставшуюся часть выходных я провел в Монако.

Я, как и мой привлекательный тупоголовый братец, тоже любил нетипичный секс.

Но, в отличие от моего привлекательного тупоголового братца, я знал, что не стоит заниматься им с первыми встречаемыми женщинами.

Дважды в месяц я ездил в Европу, проводил время с тщательно отобранными, неболтливymi женщинами, которые соглашались с моими незыблемыми условиями. Для того чтобы спать с женщиной, требовалось больше бумажной волокиты, чем для покупки космического корабля. Я всегда был осторожен, и в мои планы не входили разбирательства с

секс-скандалом в довершение к балагану, в который превратился мой имидж в глазах общественности.

Я платил им по весьма аппетитному тарифу, оставлял щедрые чаевые, всегда был опрятен, любезен и вежлив и вносил свой вклад в европейскую экономику. Эти эскортницы не были невезучими матерями-одиночками или бедными девчонками из распавшихся семей. Они были студентками престижных университетов, начинающими актрисами и стареющими моделями из семей среднего и высшего класса.

Они путешествовали первым классом, жили в роскошных квартирах и были требовательны к своей клиентуре, состоящей из мультимиллионеров.

Я не пользовался частным самолетом моей семьи для полетов в Европу с тех пор, как был назначен генеральным директором. Оставлять углеродный след размером с Кувейт только ради того, чтобы потрахаться, было уж слишком безнравственно, даже для моей совести.

Ладно. Совести у меня нет.

Но если об этом когда-нибудь станет известно прессе, то моей карьере придет конец, что, собственно, и приключилось с мозговыми клетками Хантера.

Вот почему я терпел первый класс на коммерческом рейсе, молча выдерживая присутствие других людей на обратном пути из Монако в Бостон.

Я мало что ненавидел сильнее, чем людей. Но пребывание в ловушке с большим их количеством на борту и рециркули-

рованный воздух были в числе таких вещей.

Устроившись в кресле, я листал контракт с новым подрядчиком по установке буровой вышки в Арктике, прогоняя прочь все мысли о близящемся отцовстве Хантера и сестре Пенроуз, которая ворвалась ко мне в кабинет на прошлой неделе, умоляя одолжить ей денег.

Я сказал, что не узнал ее, и это вывело Пенроуз из себя, а меня привело в состояние постоянного возбуждения.

Но я помнил Персефону.

Прекрасно и отчетливо.

Внешне Персефона Пенроуз соответствовала всем моим предпочтениям: волосы цвета золота, темно-синие глаза, розовые губки и миниатюрная фигура, облаченная в романтические платья. Покладистая, безоружная воспитательница, приручить которую легче, чем котенка.

Благоразумная, идеалистичная и кроткая до мозга костей.

Она ходила в платьях ручной работы, с помадой цвета арбуза и душой наизнанку, а еще с наивным выражением лица героини Джейн Остин, которая думала, что «хрен» – это только лишь растение.

Персефона не ошиблась в своем предположении, что ей стоило обратиться ко мне. Будь на ее месте любой другой мой знакомый, я бы дал деньги просто ради того, чтобы посмотреть, как он потеет, возвращая мне долг.

Вот только в ее случае, я не хотел, чтобы моя жизнь была как-то с ней связана.

Не хотел видеть ее, слышать ее и терпеть ее присутствие.
Не хотел, чтобы она была у меня в долгу.

В прошлом она была безумно в меня влюблена. Однако чувства меня не интересовали, если только я не находил способ ими воспользоваться.

– Ай. – За спинкой моего кресла пискнула мягкая игрушка. – Прекрати! Клянусь б-богу, Три, я-я...

– И что ты сделаешь? Пожалуйся на меня мамочке. Ябеда.

Три? Люди, сидящие позади меня, назвали своего ребенка Три?¹¹ И решили лететь первым классом в компании двух детей младше шести лет?

Из-за таких родителей и появляются серийные убийцы. Я закинул две таблетки обезболивающего и запил их бурбоном. Строго говоря, мне не следовало пить спиртное с таблетками, которые я ежедневно принимал в связи с моим состоянием.

Ну и ладно. Живем только раз.

– Хватит баловаться, Тиндер!¹² – рявкнула позади меня мать.

Тиндер.

Я официально нашел родителей хуже, чем будет мой брат. Я был на девяносто один процент уверен, что Сейлор не позволит Хантеру назвать их ребенка Пайнкоун или Дэй-

¹¹ Имя созвучно с английским словом «tree» – в переводе «дерево».

¹² Созвучно со словом «tinder» – в переводе «гнилое дерево, хворост».

лайт Сэйвинс¹³. Оставшиеся девять процентов связаны с тем, что они тошнотворно ослеплены любовью, а потому никогда нельзя знать наверняка.

– О-он всегда так делает! – закричал маленький Тиндер, умудрившись пнуть спинку моего кресла, хотя до него было порядка двух метров. – Три – вонючка.

– А ты противный и странный, – ответил Три.

– Я не странный. Я особенный.

Оба непослушных ребенка были невыносимы, и я уже был готов сообщить об этом их не менее кошмарным родителям, но потом вспомнил, что не могу позволить себе еще один заголовок в духе «Киллиан Фитцпатрик ест младенцев на завтрак».

«Генеральный директор «Королевских трубопроводов» кричит на невинных детей в самолете на обратном пути от своих проституток».

Нет, спасибо.

Для справки: я никогда в жизни не ел человеческую плоть. Она слишком постная, слишком негигиеничная и слишком редкая.

Я мысленно постукивал ногой в ожидании взлета, хрустя костяшками пальцев.

Как только мы поднялись в воздух, я встал и прошелся, делая пометки в договоре красным маркером.

¹³ Вымышленные имена, которые в переводе, соответственно, означают: «pinecone» – «сосновая шишка», «daylight savings» – «переход на летнее время».

Когда я вернулся на свое место, оно оказалось занято.

И не абы кем, а моим заклятым врагом.

Человеком, чьего выхода из тени я ждал с той минуты, как был назначен генеральным директором «Королевских трубопроводов». Честно говоря, я удивлен, что ему потребовалось так много времени.

– Эрроусмит. Какой неприятный сюрприз.

Эндрю Эрроусмит был привлекательным ублюдком в духе ведущих местных новостей. Стереотипная стрижка, отбеленные зубы (каждый размером с кирпич), высокий рост и, в чем я был на семьдесят процентов уверен, – имплант на подбородке. Когда-то он входил в мой круг общения. В те дни нас объединяло соперничество, восходящее к нашим временам в Эвоне.

До поры до времени мы обучались в одних и тех же заведениях. Пока его семья не обанкротилась, и он не скатился по социальной лестнице так низко, что попал в другое измерение, полное трейлер-парков и консервов.

– Киллиан. Так и подумал, может, это ты. – Он встал и протянул мне руку, а когда я даже не шелохнулся, чтобы ее пожать, убрал ее и провел по своей шевелюре, как у Кита Урбана.

Я не видел этого человека больше двух десятилетий и был бы счастлив провести остаток жизни, забывая его смазливое лицо.

– Жестко. Моя семья. – Он жестом указал на ряд кресел

позади меня, где сидела женщина с обесцвеченными волосами и в полном комплекте спортивной одежды, практикуя глубокое дыхание, чтобы не дойти до нервного срыва. Двое противных детей у нее на коленях вцепились друг другу в глотки. – Это моя жена, Жоэль, и мои мальчишки-близнецы, Три и Тиндер.

От моего внимания не ускользнуло, что у Эндрю, который являлся моим ровесником, были жена и дети. На моей шее затянулась невидимая петля.

Я мог лишиться работы.

Своего наследства.

Моих драгоценных, грандиозных идей.

Мне нужно начать обзаводиться потомством и поскорее.

– Кто выбирал имена? – Я дернул подбородком в сторону маленьких монстров.

Жоэль оживилась и замахала рукой, будто я спросил, кто нашел лекарство от рака.

– *Moi*¹⁴. Разве они не прелестны?

Имена или дети? Ужасны были и те и те, но на ней лежала вина только за имена. Я повернулся обратно к Эндрю, оставив вопрос его жены без ответа. Я никогда не лгал. Ложь означала бы, что мне не плевать на чужое мнение.

– Переезжаешь обратно в Южный район? – поинтересовался я.

Насколько мне известно, он жил в худшей части Бостона,

¹⁴ В переводе с французского «я».

где его семья, стараниями моей семьи, едва сводила концы с концами.

Очевидно, что его благосостояние улучшилось, раз теперь он летал первым классом.

– Ты удивишься, но так и есть. – Эндрю расплылся в широкой улыбке, а его грудь раздулась от гордости. – Купил там дом в прошлом месяце. Возвращаюсь к своим корням. Туда, откуда я родом.

Он был родом из Бэк-Бэй, района богатеньких придурков, но я не стал доставлять ему удовольствие, давая понять, что помню об этом.

– Только что устроился на работу в «Зеленую жизнь». Перед тобой их новый генеральный директор.

«Зеленая жизнь» – некоммерческая экологическая организация, которая считалась более жестким, более смелым собратом «Гринписа». Существовало не так много компаний, которые ненавидели «Королевские трубопроводы» сильнее, чем «Зеленая жизнь», и не так много людей, которые ненавидели меня так же сильно, как Эндрю Эрроусмит.

Само по себе это не новость. Я мог пересчитать по пальцам одной руки количество людей, которые знали меня и при этом не питали ко мне откровенной неприязни. Но опасным Эндрю делало то, что он знал мой секрет.

То единственное, что я надежно прятал со времен школы-интерната.

Со времен Эвона.

Теперь это меняло правила игры.

– Мило, – сухо заметил я. – А они в курсе, что ты так же компетентен, как салфетка?

Это неправда. Я следил за ним все эти годы и знал, что он был не только успешным юристом, разбиравшимся в вопросах экологии и окружающей среды, но еще и любимцем утренних шоу и Си-эн-эн. Каждый раз, когда в новостях всплывала тема изменений климата, он был тут как тут с микрофоном и возглавлял массовую демонстрацию, привязывал себя к гребаному дереву или вещал об этом по телевидению в прайм-тайм.

За свою карьеру Эндрю много раз вмешивался в бизнес «Королевских трубопроводов». Угрозами заставлял рекламные компании прекратить работу с нами, вынудил разработчика компьютерных игр расторгнуть сотрудничество и написал книгу-бестселлер о нефтяных магнатах, по сути, обвинив компании, подобные моей, в том, что из-за них у людей возникает рак.

У него были поклонники, фанатки и посвященные ему группы на «Фейсбуке»¹⁵, и я бы не удивился, узнав, что существует фаллоимитатор с изображением его лица.

– О, они прекрасно знают о моих способностях, Фитцпатрик. – Он взял бокал шампанского с подноса стюардессы. –

¹⁵ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

Давай не будем притворяться, будто не следили друг за другом. Тебе известно о моих достижениях. О моих победах. Моих планах. Я, как и мой старик, руководствуюсь принципами.

Его старика уволил *мой* старик, когда мы были еще мальчишками, тем самым ввергнув семейство Эрроусмита в нищету. До этого момента наши семьи были близки, а мы с Эндрю – лучшими друзьями. Эрроусмиты так и не простили Фитцпатриков за предательство, хотя у *athair* были веские причины уволить Эндрю-старшего – бухгалтер прикарманил деньги компании.

– Как поживает твой старик? – спросил я.

– Скончался три года назад.

– Не так уж и хорошо, значит.

– Вижу, сволочизм по-прежнему у тебя в крови. – Эндрю залпом выпил шампанское.

– Не могу бороться с собственными генами, – прямо ответил я. – А люди, которые жаждут моей крови – совсем другое дело. С ними я могу бороться не жалея сил.

– А что же Джеральд? Все еще держится? – Эндрю пропустил мою тонко завуалированную угрозу.

– Ты знаешь Джерри. Он может пережить все, кроме ядерного взрыва.

– К слову о том, что скоро прекратит свое существование. Слышал, папочка отдал тебе ключи от «Королевских трубопроводов», поскольку ему пришлось уйти в отставку из-за...

а собственно, из-за чего? – Он щелкнул пальцами, хмуря брови. – Диабета второго типа? У твоей семьи всегда была склонность к перееданию. Как он справляется с проблемами со здоровьем?

– Вытирая слезы стодолларовыми купюрами. – Я хищно ухмыльнулся. Эрроусмит пытался задеть мои нежные чувства, позабыв, что у меня их нет.

Мы все так же стояли в проходе, когда меня настигла новая реальность, просачиваясь в кровь словно яд.

Теперь заключение брака – не выход.

Это необходимость, призванная закрепить за мной пост генерального директора «Королевских трубопроводов».

Эндрю Эрроусмит возвращался в Бостон, чтобы свергнуть меня, встав во главе компании, которая сделала своей целью уничтожить «Королевские трубопроводы».

Он обладал рычагами воздействия, жадой мести и был посвящен в мою самую темную тайну.

Я не уступлю компанию и уж точно не отдам свое благосостояние будущим детям Хантера и Эшлинг.

– Так ты перейдешь к самому интересному, Эндрю? – Я демонстративно зевнул. – Ни за что не поверю, что мы столкнулись с тобой случайно.

– Ты, как всегда, сама прямота. – Эндрю подался вперед и, понизив голос, приготовился нанести смертельный удар. – Может статься, что я взялся за эту работу, чтобы свести старые счеты. Как только я услышал о том, что ты занял трон,

соблазн обезглавить короля стал слишком сильным. — Его дыхание оведало мое лицо. — Уничтожить тебя и твоего отца финансово будет легко. Притом, что Джеральд слаб и не в курсе дел, а ты уязвим спустя годы негативных откликов в прессе, я вцеплюсь тебе прямо в горло, Фитцпатрик. Любимчик СМИ против злодея прессы. Пусть победит сильнейший.

Неспешно вернувшись на свое место и устроившись поудобнее, я перевернул страницу контракта, над которым работал.

— Ты всегда был глупым мальчишкой, — вслух размышлял я, переворачивая еще одну страницу договора, который небрежно держал в руках. — Я лишу тебя всего, чего ты сумел достичь с тех пор, как мы виделись в последний раз. Заберу все, что тебе дорого, и буду смотреть, как ты расплываешься. О, и Эндрю? — Я поднял взгляд и ухмыльнулся ему. — Позволь заверить тебя: я все тот же негибачый ублюдок, которого ты оставил в прошлом.

Он вернулся к своей семье. Я весь перелет чувствовал его пристальный взгляд на затылке.

Мне нужна невеста, и поскорее.

Вызывающая симпатию СМИ, чтобы уравновесить то, кем я был.

То, что я собой представлял.

Я знал как раз такого человека.

Четвертая

Персефона

Дни тянулись со скрипом, как гвоздь по школьной доске.

Я была на взводе. Нервная, неуравновешенная и не в состоянии дышать полной грудью.

С тех пор как я вернулась из офиса Киллиана ни с чем, я не могла ни есть, ни пить, ни выносить собственное отражение в зеркале.

Мой разум постоянно проигрывал в голове образный ролик о том, как Бирн и Камински выбрасывают мое безжизненное тело в реку Чарльз. Об отказе Киллиана. О нестерпимой боли, которую принес этот отказ.

Я забыла слова всех песен во время совместного досуга в группе, чуть не скормила Риду с непереносимостью лактозы макароны с сыром и смешала кинетический песок с настоящим, устроив тем самым настоящий бардак, который мне впоследствии пришлось убирать.

Серые, набухшие дождем тучи нависли надо мной, пока я возвращалась домой, спеша от велосипеда в подъезд и сжимая сумку мертвой хваткой. Я напоминала себе, что у меня с собой был и перцовый баллончик, и электрошокер, а вероятность того, что Бирн и Камински убьют меня на пороге дома, равна нулю.

Ну, может, процентам десяти.

Возможно, около двадцати пяти, но точно не выше.

Едва войдя в здание, я сразу же потянулась к выключателю. К моему удивлению, свет уже горел. Сильная рука схватила меня за запястье и развернула лицом к ее обладателю.

«Бороться или бежать?» – спросило меня мое тело.

«Бороться, – ответил разум. – Всегда бороться».

Я бросила сумку в лицо непрошеного гостя, а из горла вырвался рык. Он ловко увернулся и отбросил ее на пол, отчего содержимое сумки вывалилось наружу. Я потянулась, намереваясь выцарапать ему глаза. Он перехватил оба мои запястья одной рукой и сцепил их между нами, а потом прижал меня к входной двери, отчего мы оказались вплотную друг к другу.

– Пустите! – закричала я.

К моему потрясению огромная темная фигура так и сделала и отступила назад. Подняв перцовый баллончик, который выпал из моей сумки, он небрежно его осмотрел.

– Киллиан?

Я боролась с желанием потереть глаза от неверия. Но вот он здесь, в дизайнерском тренче, итальянских кожаных ботинках с острым носом и с фирменным, посылающим куда подальше хмурым взглядом, от которого мое сердце описало в груди круг, как стриптизерша вокруг шеста.

– Ты здесь, – сказала я скорее самой себе, чем ему.

Почему? Как? Когда? В моем затуманенном мозгу крутилось так много вопросов.

– Искренне надеюсь, что наши дети не унаследуют твою склонность обращать внимание на очевидное. Я считаю ее чрезвычайно заурядной. – Он снял предохранитель с баллончика, а потом вставил снова, чтобы он был готов, когда я попытаюсь воспользоваться им в следующий раз.

– Хмм, что? – Я смахнула пряди волос, которые лезли в глаза, как упрямые ветки в джунглях.

Легкая щетина, покрывавшая его крепкую шею, пробуждала во мне желание прильнуть к ней губами. Его несовершенства делали его невероятно красивым. Мне была невыносима каждая секунда, проведенная рядом с ним.

– Помнишь, я говорил, что не оказываю безвозмездных услуг? – Киллиан перекачивал перцовый баллончик между пальцами, не сводя глаз с маленькой емкости.

– Такое трудно забыть.

– Что ж, тебе сегодня повезло.

– Позволь мне отнестись к этому утверждению скептически.

В сложившейся ситуации я уже не просто растеряла все везение. Я была почти на том свете. Где-то между злосчастьем и проклятием.

– Я придумал, чего хочу от тебя.

– Тебе что-то нужно от меня, бедняжки? – Я прижала ладонь к груди с насмешливым вздохом, пытаюсь совладать с бешеным биением сердца. Ничего не могла с собой поделать. Он никогда не упускал возможности меня унижить. – Я лишилась дара речи.

– Не обнадеживай меня, Цветочница, – пробормотал он.

От моего внимания не ускользнуло прозвище. Обычно так называли маленькую девочку на свадьбе, которая призвана вызывать умиление и привлекать позитивное внимание. Навивный ребенок, задача которого сводилась к тому, чтобы идти по прямой.

Киллиан шагнул ко мне, вторгаясь в личное пространство. Запах мужчины, сухого кедра и кожи наводнил мои чувства, опьяняя.

– Чтобы все получилось, ты не должна испытывать ко мне никаких чувств, – мрачно предостерег он.

Не было никакого смысла говорить ему, что я так и не сумела его забыть. Не совсем. Не в том отношении, которое

имело значение.

Киллиан убрал мокрую прядь волос с моего виска, не касаясь кожи. Меня беспокоило, как он смотрел на меня: с холодным презрением, будто приехал сюда под дулом пистолета, а не по собственной воле.

– Я улажу твои проблемы с деньгами и разводом. Устраню их. Не в качестве одолжения, а в качестве подарка.

Мое тело обмякло от облегчения.

– О боже, Киллиан, спасибо тебе ог...

– Дай договорить, – процедил он, и его голос рассек пространство подобно удару хлыста. – Я никогда не допускаю, чтобы хорошая кризисная ситуация пропала даром, а твоя может быть весьма для меня выгодна. Тебе не придется возвращать мне деньги, потому что твой способ возмещения долга будет нестандартным. Ты станешь моей женой. Ты выйдешь за меня замуж, Персефона Пенроуз. Будешь улыбаться мне перед камерами. Посещать благотворительные мероприятия от моего имени. И родишь мне детей. Столько, сколько потребуется, пока у меня не появится сын. Будь то один ребенок, три или шесть.

– Все что угодно! – воскликнула я, спеша принять его предложение, пока до меня не дошел смысл его слов. – Я с удовольствием...

Погодите, что?

Долгое мгновение я просто смотрела на него. Пыталась понять, не сделал ли он меня объектом какой-то изощренной

шутки.

Почему-то я так не думала. Во-первых, Киллиан Фитцпатрик не обладал чувством юмора. Если бы тот повстречался Киллиану в темном переулке, то сжался бы в комок и взорвался облаком пищащих летучих мышей. А во-вторых, Килл был не только жестоким, но и ужасно прагматичным. Он бы не стал тратить свое драгоценное время на то, чтобы меня разыграть.

– Ты хочешь, чтобы я вышла за тебя? – тупо повторила я.

Выражение его лица было смиренным и мрачным. Киллиан ответил резким кивком.

Очуметь, он не шутил. Мужчина моей мечты хотел жениться на мне. Взять меня в жены.

На такое предложение был только один возможный ответ.

– Нет. – Я оттолкнула его. – Ни за что на свете. Нет, неа, по, піен, поп. – Я пыталась вспомнить другие языки, на которых могла бы ему отказать. – Но, – повторила я. – Последнее было на испанском, а не на английском.

– Поясни, – велел он.

– Мы не можем пожениться. Мы даже не любим друг друга. – Я с вызовом вздернула подбородок. – И да, я знаю, что любовь – удел рабочего класса.

– Среднего класса, – поправил он. – Счастливой, тупой середины, которая живет в достаточном комфорте, чтобы ей было на все наплевать, и достаточно глупа, чтобы не метить выше. Рабочий и высший классы всегда принимают во вни-

мание финансовые вопросы. Позволь напомнить: когда ты в последний раз выходила замуж по любви, – он произнес это слово с такой интонацией, с какой обычно произносят «герпес», – все закончилось огромным долгом, сбежавшим мужем и смертельными угрозами. Любовь переоценена, не говоря уже о том, что она непостоянна. На ней невозможно заложить фундамент. Обоюдный интерес и сотрудничество – совсем другое дело.

Но вот что самое печальное: я не хотела выходить за него именно потому, что где-то в глубине души в самом деле его любила.

Отдать свое счастье в его руки было самой глупой затеей, которая только приходила мне в голову.

Сколько бы я ни пыталась это не замечать, Килл был моей первой страстной влюбленностью. Первой одержимостью. Первым несбывшимся желанием. Частичка моего сердца всегда будет принадлежать ему, и я не хотела даже думать о том, как он станет этим злоупотреблять, если мы будем вместе.

К тому же, брак с самым известным злодеем Бостона был плохой идеей, а я уверена, что уже выполнила свою норму по количеству мужей-ублюдков на это столетие.

– Слушай, а давай пойдем на компромисс? – Я ослепительно улыбнулась. – Я могу встречаться с тобой. Быть твоей девушкой. Ходить с тобой под руку и позировать для удачных снимков. У нас будет небольшая договоренность.

Он уставился на меня с нескрываемым изумлением.

– Думаешь, твое общество стоит сотни тысяч долларов?

– Ты предлагаешь мне сто тысяч, чтобы я стала твоей эскортницей с постоянным проживанием и родила тебе детей. Несколько. Если бы я была суррогатной матерью, то получила бы такую же сумму за одного ребенка, – выпалила я.

– Так стань суррогатной матерью, – пожал плечами он.

– Это долгая процедура. У меня недостаточно времени.

– Похоже, мозгов у тебя тоже недостаточно. – Он постукал пальцем мне по виску, хмурясь, будто гадал, есть ли у меня хоть одна извилина. – Прими мое предложение. Это твой единственный выход.

Я оттолкнула его.

– Ты ублюдок.

Он нетерпеливо улыбнулся.

– Ты знала об этом, когда охотно предлагала мне себя много лет назад. – Он помнил.

Помнил, и почему-то это окончательно меня обезоружило.

Тетушка Тильда, что же ты наделала, черт возьми?

– Слушай. – Я помотала головой, пытаюсь мыслить ясно. – Давай мы начнем встречаться, и я...

– Нет, – сухо перебил он. – Брак или ничего.

– Я тебе даже не нравлюсь!

Киллиан бросил взгляд на свои массивные часы, теряя терпение.

– Какое отношение моя симпатия имеет к женитьбе?

– Непосредственное! Она имеет самое непосредственное отношение! И как ты себе представляешь наше благополучное сожительство?

– Никак, – невозмутимо ответил он. – У тебя будет свой дом. У меня свой. Ты будешь потрясюще богата, начнешь жить на улице миллиардеров и станешь одной из самых завидных светских львиц Новой Англии. Ты будешь достаточно далеко от меня, чтобы делать все, что захочешь. Я разумный, честный и реалистичный. Покуда ты даришь мне наследников, поддерживаешь отношения только со мной на протяжении тех лет, пока мы заняты деторождением, и держишься подальше от таблоидов, нам незачем часто видеться после первых нескольких лет нашего брака. Но никакого развода, – предупредил он, подняв палец. – Это пошло, вредно для бизнеса и выставляет слабаком. А я не слабак.

Мне хотелось взорваться. Не знаю, от смеха или от слез.

Я не этого просила, тетушка, – мысленно вскричала я. – Ты упустила самую важную часть в моем им обладании.

– Ты же понимаешь, что я человек, а не аэрогриль? – Я опустила руку на бедро и уже сама начала терять терпение. – А то для меня все звучит так, будто ты пытаешься меня купить.

– Потому что так и есть. – Киллиан посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Будто это у меня проблемы.

– У людей, которые очерняют деньги, есть одна общая

черта – отсутствие этих самых денег. У тебя есть шанс изменить свою судьбу, Персефона. Не упusti его.

– Прости, если покажусь неблагодарной, но, похоже, твое предложение сулит мне весьма печальное существование. Я хочу, чтобы меня любили. Ценили. Хочу состариться с мужчиной, которого выбираю и который выбирает меня.

Даже после всего случившегося с Пакстоном и даже при том, что я по-прежнему испытывала сильные чувства к Киллиану, я все равно верила в сказки. Просто смирилась с тем, что моя была написана причудливо, со слишком длинным предисловием и эпизодами, которые я была бы рада вырезать.

Киллиан достал из нагрудного кармана пару кожаных перчаток, шлепнул ими себя по мускулистому бедру, а потом сунул в них свои большие ладони.

– Со временем ты можешь все это обрести, только не со мной. Найди себе любовника. Живи с ним спокойной жизнью, при условии, что он подпишет все необходимые документы. Ты будешь заниматься своими делами, а я своими. А мои дела – если у тебя вдруг остались какие-то романтические фантазии о нас – включают непомерное количество элитных проституток и сомнительные сексуальные наклонности.

Единственное, что помогало мне устоять на ногах в этот момент, это мысль о том, что меня, наверное, настигли галлюцинации из-за недосыпа и плохого питания.

Углеводы. Мне нужны углеводы.

– Ты хочешь, чтобы я тебе изменяла? – Я потерла лоб.

– После того как родишь мне законных детей, можешь делать что хочешь.

– Тебе бы обнимашек. – Я нахмурилась. – И мозгоправа. Но не в таком порядке.

– Что мне нужно, так это наследники. По крайней мере, один мальчик. И еще парочку детей для вида и про запас.

Про запас.

Мы про детей говорим или зарядки для телефона?

У меня закружилась голова. Я припала к стене для поддержки.

Я всегда знала, что Киллиан Фитцпатрик был не в себе, но такая степень сумасшествия легко могла обеспечить ему место в психиатрической лечебнице.

– Почему именно мальчика? Если ты вдруг не заметил, на дворе двадцать первый век. Есть такие женщины, как Айрин Розенфельд, Мэри Барра, Кори Барри... – Я начала перечислять женщин генеральных директоров. Он перебил меня.

– Не забивай мне голову перечнем супермаркетов. Правда в том, что кое-что осталось неизменным. Женщины, рожденные с вопиющими привилегиями (то есть мои будущие дочери), редко выбирают изнурительные профессии, а именно этого требует управление «Королевскими трубопроводами».

– Это самая сексистская мысль, которую я когда-либо слышала.

– Поразительно, но тут я с тобой согласен. – Киллиан принялся застегивать пальто, тем самым давая понять, что собрался уходить. – Тем не менее не я устанавливаю правила. По традиции, именно сын первенца наследует большую часть акций и должность генерального директора «Королевских трубопроводов». Так мой отец получил свою должность. Так ее получил и я.

– А если ребенок захочет стать кем-то другим?

Он уставился на меня так, будто я спросила, не проколоть ли мне бровь самозарядным пистолетом. Будто мне и впрямь было уже ничем не помочь.

– Кто не хочет быть главой одной из богатейших компаний мира?

– Любой, кто знает, что такая должность за собой влечет, – парировала я. – Без обид, но ты не самый счастливый человек, которого я знаю, Килл.

– Мой первый сын продолжит мое дело, – отрезал он. – Если беспокоишься за его психическое здоровье, предлагаю тебе с младенчества отправить его на терапию.

– Похоже, ты будешь замечательным отцом. – Я скрестила руки на груди.

– У наших детей будет бесхарактерная мать. Меньшее, что я могу сделать, – открыть им суровую правду жизни.

– Ты ужасен.

– А ты тянешь время, – съязвил он.

Нервный комок в горле от надвигающейся истерики стал

еще больше. Не потому, что я считала мысль о браке с Киллианом такой уж ужасной, а потому, что как раз таки не считала, и оттого сходила с ума. Что за женщина очертя голову выйдет за самого порочного мужчину Бостона, будучи при этом все еще замужем за самым ненадежным?

Я.

Вот что за женщина.

Я обдумывала эту безумную идею по многим причинам, и все они были неправильными.

Больше никаких проблем с деньгами.

Гарантированный развод с Пакстоном.

Общество Киллиана и его безраздельное внимание, пусть даже всего на несколько коротких лет.

Как знать? Быть может, тетушка Тильда все же сотворит чудо. Мы можем начать с соглашения, а в итоге стать настоящей парой.

Нет. Я не могу сесть на его поезд в сумасшедший дом. Последней остановкой станет Разбитое Сердце, а мне и так уже хватило этого в жизни. Пакстон уже уничтожил меня. Но моя влюбленность в Пакса была милой и комфортной. А Киллиан всегда пробуждал во мне что-то необузданное и дикое, что могло привести меня в упоение.

Мне нужно подумать об этом трезво без его навязчивого присутствия с таким одурманивающим запахом, квадратной челюстью и холодной безупречностью.

Я отступила к лестнице.

– Слушай, можно мне подумать?

– Разумеется. У тебя же полно времени. Непохоже, что за тобой охотятся бандиты, – он дразнил меня своими мажорскими манерами.

Я прекрасно знала, в какой плохой ситуации оказалась. И все же, если я намерена официально отдать всю свою оставшуюся жизнь мужчине, который сломил меня, то мне нужно дать себе хотя бы несколько дней на то, чтобы все осмыслить.

– Дай мне неделю.

– Сутки, – парировал он.

– Четыре дня. Речь вообще-то обо всей моей оставшейся жизни.

– У тебя вообще не будет никакой жизни, если не согласишься. Сорок восемь часов. Это мое окончательное предложение, и весьма щедрое. Ты знаешь, где меня найти. – Киллиан отвернулся и пошел к двери.

– Подожди! – вскрикнула я.

Он остановился, но оборачиваться не стал.

На меня нахлынуло воспоминание о том, как я смотрела ему вслед и просила остаться в день свадьбы Сейлор и Хантера. Я знала с уверенностью, обжигавшей мою душу, что это станет для нас нормой, если я приму его предложение.

Я всегда буду его искать, а он всегда будет отступать в тень. Мужчина, подобный темному, пьянящему дыму, который я могла почувствовать и увидеть, но никак не могла поймать.

– Дай мне твой домашний адрес. Я больше не хочу приезжать к тебе в офис. Так у меня возникает чувство, будто у нас деловые отношения.

– А у нас как раз деловые отношения.

– У тебя ужасная помощница. Она чуть не пырнула меня ножом, когда я пришла к тебе.

– «Чуть» – это ключевое слово. – Достав визитку, Киллиан перевернул ее и нацарапал свой адрес. – Я бы не стал покрывать ее судебные издержки, и она это знает. – Он передал визитку мне. – Двое суток, – напомнил он. – Если от тебя не будет вестей, я буду считать, что ты отклонила мое предложение или оно прекращено досрочно, и перейду к следующей кандидатке в моем списке.

– У тебя есть список. – У меня отвисла челюсть.

Ну конечно, у него был список. Я была всего лишь одной из многих женщин, которые удовлетворяли всем требованиям великого Киллиана Фитцпатрика.

Я задумалась, какими же были эти требования?

Наивная?

Отчаявшаяся?

Глупая?

Симпатичная?

Я сглотнула, но ком так и остался стоять в горле. Я чувствовала себя такой же бросовой вещью, как подгузник, и настолько же желанной.

Киллиан окинул меня ледяным взглядом.

– Иди, листай свой каталог невест из брачного агентства, Киллиан. – Я посмотрела на него с прищуром. – Я сообщу свой ответ.

Я смотрела, как он уходит, унося мою свободу, мои надежды и возможности в кармане своего дизайнерского пальто.

А еще знала, что не имело значения, приму я его предложение или откажусь – любой вариант станет ошибкой.

На следующий день я пришла на работу в платье, испачканном пятнами кофе, и с покрасневшими глазами. Я позвонила Сейлор, проглотив свою гордость, чтобы сделать то, что обещала не делать – попросить у нее денег в долг. Но прежде чем я успела произнести хоть слово, она сказала, что чувствует подозрительные спазмы в животе, и я не смогла заставить себя озвучить просьбу.

В обед я обзвонила всех кредиторов Бостона. Большинство вешали трубку, некоторые смеялись, а несколько из них выразили сожаление, но сказали, что вынуждены отказаться от содействия в моем деле.

Я даже пыталась позвонить Сэму Бреннану, но напоролась

на электронное сообщение с требованием ввести код, чтобы с ним связаться.

У меня не было доступа к самому таинственному человеку Бостона.

Пускай я с детства была лучшей подругой его сестры, он в упор меня не замечал, как и остальных моих подруг.

Когда я вернулась домой, Белль еще была на работе. Я порадовалась этому, потому что возле двери в квартиру ждала коробка. Посылка была адресована мне, поэтому я открыла ее. Внутри лежали два предмета нижнего белья.

Я вынула черные кружевные стринги и поняла, что в них была завернута пуля.

Бирн.

Я побежала в ванную, где меня вырвало той скудной едой, которую я сегодня съела.

Запихнув в рот пачку крекеров, я проглотила маленький кусочек сыра и запила все это апельсиновым соком.

Забралась в кровать Белль все в том же рабочем платье. Она была холодной и пустой. Дождь, стучащий в окно, напоминал мне, насколько я одинока.

Мама с папой перебрались в пригород пару лет назад. Переехав сейчас к ним, я бы принесла на их порог беду – смертельно опасную беду – и не могла так с ними поступить.

Сейлор вышла замуж и ждала ребенка, вела успешный кулинарный блог и тренировала юных лучников в рамках благотворительного фонда, который сама основала. Ее жизнь

была полной, целостной, хорошей.

Эш была занята тем, что строила планы по завоеванию Сэ-ма Бреннана, училась в мединституте и превращалась в одну из самых фантастических женщин, которых я встречала.

А Белль строила свою карьеру.

Неподвижно лежа в темноте, я наблюдала в окно, как леди Ночь сменяет все свои наряды. Небо из полуночного стало ярко-голубым, а потом, наконец, оранжевым и розовым. Когда солнце начало сантиметр за сантиметром подниматься над небоскребами Бостона, словно королева, встающая со своего трона, я поняла, что нужно принимать решение.

На небе не было ни облачка.

Тетушка Тильда не поможет мне выпутаться. Это мое решение. Моя ответственность.

В квартире стояла звенящая тишина. Белль вчера не вернулась домой. Наверное, нежилась в постели какого-нибудь красавчика, разметав свои кудри, подобно произведению искусства, которым он мог бы восхищаться.

Выбравшись из постели, я босиком пошла в кухонный уголок, затем включила кофеварку и винтажный радиоприемник Белль. На радиостанции восьмидесятых, которая неизменно поднимала мне настроение, прозвучали последние ноты песни How Will I Know Уитни Хьюстон, а за ней зазвучал прогноз погоды, в котором предупреждали о надвигающейся грозе.

На столе стояла ваза со свежими розами, подаренная од-

ним из многочисленных поклонников, которые часто заходили в «Мадам Хаос» в надежде привлечь внимание моей сестры.

Цветочница.

Я вынула одну из белых роз. Ее шип уколол мне большой палец. Между лепестками показалась капля крови в форме сердца.

– Выйти замуж за любимого злодея Бостона или не выходить? – Я сорвала первый лепесток.

Выйти за него.

Второй лепесток.

Не выходить.

За ними третий.

Четвертый.

Пятый...

К тому времени, когда остался последний, мои пальцы дрожали, сердце бешено колотилось, а все тело покрылось мурашками. Я сорвала последний лепесток белоснежного цвета свадебного платья.

Судьба сказала последнее слово.

Впрочем, это не имело значения, ведь мое сердце уже знало ответ.

Решение принято.

Теперь мне придется столкнуться с последствиями.

Пятая

Киллиан

– Хорошая тренировка, мистер Фитцпатрик. Вы один из самых талантливых наездников, которых я встречал. У вас потрясающие навыки, сэр. – Один из прыщавых конюхов, нанятых мной, плелся позади, высунув язык, как нетерпеливый щенок.

Я направился из конюшни обратно к своей машине, сунув узду ему в грудь вместе с щедрыми чаевыми.

То, что я был неприлично, неискоренимо, омерзительно богат, помимо всего прочего означало, что люди всячески стремились сообщить мне, что я лучший во всем, будь то верховая езда, фехтование, гольф или синхронное плавание.

Синхронным плаванием я, конечно, не занимался, но был уверен, что получил бы золотую медаль, стоило мне попросить.

– Благодарю за чаевые, мистер Фитцпатрик! Вы лучший босс, который у меня...

– Если бы я хотел, чтобы мне целовали зад, то выбрал бы кого-нибудь более фигуристого, светловолосого и с совершенно другой репродуктивной системой, – резко бросил я.

– Верно. Да. Простите. – Он покраснел и, поклонившись, открыл дверь моей «Астон-Мартин-Ванквиш».

Я сел в машину и завел двигатель.

Приложение на телефоне сообщило, что возле моей входной двери ждал посетитель.

Сняв перчатки, я бросил их на пассажирское сиденье и провел пальцем по экрану.

Мне не нужно было считать пульс, чтобы понять, что он превышал привычные пятьдесят ударов в минуту. Я был прекрасно подготовленным наездником, прирожденным спортсменом. Но сейчас мой пульс отбивал не меньше шестидесяти двух ударов.¹⁶

Я повел себя как последний идиот, отдав предпочтение одной потенциальной невесте над другой притом, что ни одна из кандидаток в моем списке не пойдет со мной к алтарю ни с радостью, ни с большой охотой.

¹⁶ У тренированных спортсменов (бегунов, пловцов, лыжников) пульс в покое может замедляться до 30–35 в минуту вследствие адаптации к нагрузкам.

У них у всех были свои причины согласиться, но ни одна из этих причин не имела отношения к моему неотразимому обаянию, уму или безупречным манерам.

Персефона Пенроуз была первой, к кому я обратился с предложением. Ей была нужна финансовая помощь так же сильно, как мне – хороший пиар-ход и пара детишек.

А еще она была, как бы мне ни претило это признавать, моей предпочтительной кандидаткой. Добродушная, более-менее вменяемая, с лицом ангела и телом, способным соблазнить дьявола.

Она была совершенна. Даже слишком. Настолько идеальна, что порой мне приходилось отворачиваться, когда мы оказывались в одном помещении. Я бессчетное количество раз отводил от нее взгляд, предпочитая наблюдать за ее болтливой сестрой. А глядя на ходячую катастрофу, коей была Эммабелль, я вспоминал о том, что ни в коем случае не хотел, чтобы ДНК Пенроуз смешалась с моей.

Эммабелль была шумной, бесстыдной и упрямой. Она могла целыми днями спорить со стеной и все равно потерпеть поражение. Сосредотачивать внимание на ней было не так опасно, как наблюдать за Персефой.

А я частенько, хоть и незаметно, наблюдал за ней, пока никто не видел.

Именно поэтому очень хорошо, что она не вернулась с ответом. Прямо-таки прекрасно.

Мне ни к чему этот бардак.

Ни к чему, чтобы пульс подскакивал выше шестидесяти.

Наглядный тому пример: как только на видеозаписи показались мои черные двойные двери с латунной фурнитурой, над веком начало пульсировать. Оказалось, что это мои уборщицы и повар вошли в дом, чтобы подготовить его перед посиделками, которые я устраивал сегодня вечером.

Я бросил телефон на пассажирское сиденье и взглянул на свои Rolex.

Прошло ровно сорок восемь часов и одиннадцать минут с тех пор, как я сделал Персефоне предложение. Ее время вышло. Пунктуальность и надежность были в числе немногих качеств, которые восхищали меня в людях.

Она не обладала ни тем ни другим.

Открыв бардачок, я достал из него записку со списком имен потенциальных невест, которую мне дал Дэвон. Следующей в нем значилась Минка Гомес. Бывшая модель, которая теперь работала детским психологом. Длинноногая, из хорошей семьи и с безупречной улыбкой (хотя Дэвон предупредил, что у нее виниры).

Минке было тридцать семь лет, она отчаянно хотела детей и придерживалась достаточно традиционных взглядов, чтобы желать католическую свадьбу. Она подписала соглашение о неразглашении еще до того, как я к ней обратился, — я поручил Дэвону подписать его со всеми потенциальными невестами, за исключением Персефоны, которая была:

1. Моей первой кандидаткой, а потому самой небрежной

попыткой. И...

2. Слишком хорошей, чтобы кому-то обо всем рассказать.

Я вбил адрес Минки в навигатор и выехал с подъездной дорожки своего частного ранчо, на котором провел несколько последних часов, катаясь на лошадях и пренебрегая своими обязанностями, а вовсе не негодую из-за того, что Персефоне Пенроуз нужно было серьезно подумать о браке со мной, тогда как вторым доступным ей вариантом была ужасная смерть от рук уличных бандитов.

Я намеренно уехал из дома, потому как знал, что Персефона не клюнет на приманку.

Она была слишком честна и порядочна, не говоря уже о том, что у нее уже где-то был другой зарвавшийся муженек.

— Ради твоего же блага будем надеяться, что ты не настолько глупа, чтобы отказываться от моего предложения, — тихо проговорил я, обращаясь к невидимой Минке, и выехал на шоссе в Бостон.

Значит, будет невеста номер два.

Можно подумать, есть разница.

Позже тем же вечером Сэм Бреннан бросил свои карты на стол и, запрокинув голову, выпустил струйку дыма между губ.

Он всегда делал фолд¹⁷.

Сэм приходил сюда не ради игры в карты.

Он не верил в удачу, не играл на нее и не надеялся.

Он пришел, чтобы наблюдать, учиться и приглядывать за мной и Хантером – двумя своими самыми прибыльными клиентами. Проследить, чтобы мы не влезали в неприятности.

Из стереосистемы заиграла песня Sally группы Gogol Bordello.

Мы собрались у меня в гостиной за еженедельной вечерней игрой в покер. В оформленном со вкусом, но скучном помещении с мягкими кожаными креслами и тяжелыми шторами бордового цвета.

– Не волнуйтесь, детишки. Скоро все закончится, – цокнул Хантер, пытаясь изобразить свою лучшую пародию на Джона Малковича из фильма «Шулера». – Покер не для неженков.

– И это говорит тот, кому осталось разве что стать членом программы лояльности Nordstrom¹⁸, чтобы превратить-

¹⁷ Действие игрока в покер, означающее отказ от борьбы за банк. Игрок сбрасывает карты.

¹⁸ Американская компания по продаже высококачественной модной одежды, основанная Джоном В. Нордстромом и Карлом Ф. Уоллином.

ся в цыпочку. — Сэм перекинул сигарету из одного уголка рта в другой. Черная рубашка, которую он надел, едва не трещала по швам на его предплечьях.

— Можешь не сомневаться, что я уже в ней состою. — Хантер невозмутимо рассмеялся. — У меня нет времени на шопинг со стилистом, а дамы в этом магазине знают мои мерки.

— Принимаю твои тридцать пять тысяч и ставлю восемьдесят. — Дэвон бросил восемь черных фишек в середину стола, барабанив пальцами по картам.

Дэвон был полной противоположностью Сэма. Аристократ-гедонист со вкусом ко всему изысканному и запретному, со свободными нравами и полным отсутствием моральных принципов. Его любимым занятием было наблюдать, как прожигают деньги. По иронии, работа Дэвону Уайтхоллу была нужна, как Хантеру — еще больше неприличных сексуальных намеков в арсенале. Он предпочел поступить в университет в Америке, получить допуск к юридической практике и держаться подальше от Британии.

Я был вполне уверен, что на родине его дожидался свой ворох проблем, но меня это не интересовало настолько, чтобы спрашивать.

— Ва-банк, — объявил я.

Хантер причмокнул и сдвинул все свои фишки вперед.

— Да ты издеваешься. — Дэвон с прищуром посмотрел на моего брата. Хантер ответил ему невинной улыбкой, драматично хлопая ресницами.

– В этой игре только один победитель, месье Уайтхолл. Не заходи на кухню, если не любишь, когда жжется.

– Ты смешал две фразы, – сказал я, зажав губами карибскую сигару, и выдвинул свои фишки в центр стола. – Говорят, не заходи на кухню, если не выносишь жара. А жжется у тебя между ног оттого, что спал с таким количеством женщин, каким можно заполнить Мэдисон-Сквер-Гарден.

– Забавно, но я не припомню, чтобы ты приглашал меня на церемонию твоей канонизации, старший брат. – Хантер сделал глоток пива «Гиннесс» и слизал усы из пенки. – О, точно, ее ведь никогда не было, потому что ты перетрахал половину Европы. К тому же это все в прошлом. Теперь я женатый мужчина. Для меня существует только одна женщина.

– И эта женщина – моя сестра, так что лучше подумай хорошенько, прежде чем сказать что-то еще, если хочешь выйти отсюда, сохранив все свои органы, – напомнил ему Сэм.

У Сэма были темно-русые волосы, серые глаза и загорелая кожа. Он был высоким, широкоплечим и имел такой небрежный, привлекательный вид, от которого женщины теряли и трусики, и рассудок.

– Чувак, моя жена залетела. Поздновато сомневаться в том, чем мы занимаемся в свободное время. Кстати, боль в животе, которая была у нее на этой неделе, оказалась вызвана газами, спасибо, что спросил, – фыркнул Хантер.

Я теперь что, в самом деле слушаю отчет о том, как Сейлор пускает газы?

– Не все разговоры должны в итоге возвращаться к тому, что твоя жена беременна, – напомнил я.

– Чем докажешь?

Сэм указал большим пальцем на Хантера.

– Ты же понимаешь, что однажды я прикончу твоего брата? – спросил он у меня.

– Зла на тебя держать не стану. – Я выплюнул сигару в пепельницу. – Но подожди, пока он откроет все карты.

– К слову о счастливом браке, – Дэвон покрутил в бокале виски «Джонни Уокер Блю Лейбл», – кажется, у хозяина дома есть прекрасные новости, которыми он может с нами поделиться.

– Ой, ты наконец-то создал аккаунт на OkCupid?¹⁹ – пропел Хантер, сложив руки вместе. – Наши родители уже давно наседают на него из-за того, что он одинок, как сатанист на съезде «Молодежь за Иисуса».

– Да скорее в аду похолодает, чем Киллиан Фитцпатрик женится, – протянул Сэм.

– Тогда захвати теплое пальто, приятель, – усмехнулся Дэвон.

– Ад еще не готов ко встрече со мной. А Киллиан слишком любит разнообразие, чтобы довольствоваться одной киской. – Сэм смерил Дэвона убийственным взглядом.

– Женщины – как блинчики. Все на один вкус, – согласился я.

¹⁹ Бесплатный сайт знакомств и социальная сеть, основанная в США.

Сэм сверкнул зубами.

– Обожаю блинчики.

Этот мужик переспал со всеми в городе.

Со всеми, кроме моей сестры.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Эшлинг была безумно влюблена в Бреннана. Каждый раз, когда она оказывалась в одной комнате с братом своей невестки, то чуть не пускала слюни ему на колени. Как только я осознал допущенную ей оплошность, то сразу нанял Бреннана по контракту. Когда мы только начали наши профессиональные отношения, у меня было не так уж много работы для него, но, наняв его, я гарантировал, что он не притронется к Эш.

Бреннан был благородным человеком в своей отсталой, убийственной манере.

Я хрустнул костяшками пальцев, не отрывая взгляда от своих карт. У меня было две пары²⁰. Готов поспорить на собственные яйца, что на картах Хантера в лучшем случае значились буквы алфавита и изображения животных. Он был весьма невезучим для ирландца.

– Я обручен, – сообщил я шокирующую новость.

Сэм поперхнулся сигаретой, и свисавший с ее конца пепел длиной в пару сантиметров упал на стол. Хантер расхохотался. Дэвон коротко кивнул в знак одобрения.

²⁰ Комбинация в покере, состоящая из двух пар одинаковых по достоинству карт.

А я? Я не чувствовал ничего.

Бесчувственность была хорошо знакомым мне понятием, с которым я умел управляться и которое не сбивало меня с курса.

Хантер шлепнул себя по бедру, его карты посыпались на пол, пока он заходил в приступе хохота. Он упал с кресла, схватившись за живот.

– Обручен! – прокричал он, забираясь обратно в кресло. – Кто эта несчастная женщина? Твоя надувная кукла?

– Ее зовут Минка Гомес.

– Ты назвал надувную куклу Минкой? – Брат вытер слезу в уголке глаза и опустошил бутылку воды. – Я думал, ты выберешь что-то более подходящее стриптизерше. Лола или Кэнди.

– Не припомню, чтобы пробивал о ней информацию. – Сэм пригвоздил меня взглядом. В последнее время я поручал ему искать компромат на всех, кого я встречал, от партнеров по бизнесу до чистильщиков обуви.

– То, что вы о ней не слышали, не значит, что ее не существует, – процедил я. Признаться, было непросто объяснить, как я оказался обручен с незнакомкой.

Минка была вполне любезна, когда я заехал к ней сегодня домой с предложением выйти за меня замуж. Дэвон подготовил ее к нашей встрече. Она сказала, что с радостью подпишет все необходимые документы, и попросила добавить два пункта во время наших переговоров. Она хотела домик

в Аспене и ежегодную поездку на Неделью моды в европейский город по ее усмотрению, а вместе с ней и солидную сумму на покупки. Я был рад исполнить оба ее желания.

Минка была красива, вежлива и до неприличия жаждала угодить.

А еще она не пробуждала во мне вообще никаких эмоций.
– Объясни мне, пожалуйста, как ты перешел от развращения красивейших принцесс Европы к женитьбе на первой встречной местной девице. – Хантер почесал подбородок.

Мой брат, как и остальные члены семейства, думал, что я ухаживаю за самыми прекрасными представительницами королевской семьи. Такую историю я скармливал своей семье, чтобы защитить их от правды. Я действительно общался с герцогинями и дочерьми графов, поднимаясь по социальной лестнице с уровня очередного богатого американца до человека, который знал всех стоящих персон на континенте.

Но я никогда к ним не притрагивался.

Если уж быть честным, я вообще никогда не прикасался к женщине, которой не платил.

А я не был честен ни с кем.

Ни с кем, кроме Персефоны.

Даже по прошествии двух дней я все еще не мог взять в толк, что заставило меня рассказать ей о моем предпочтении платить за секс. Я намеренно умолчал о том, что женщины, с которыми я встречался, сами по себе не были проститутками. Ждал, когда увижу отвращение на ее невинном личи-

ке. Но она была так занята тем, что мысленно избивала меня своей сумочкой за то, как я высмеял ее чувства, что даже не обратила внимания на мелкие детали.

Плата за секс была моим способом послать к чертям традиционные отношения. Я заботился о женщинах, с которыми виделся – как в постели, так и за ее пределами, но никогда не предлагал им ничего, кроме возможности приятно провести время. Свидания, подарки, звонки, чувства – об этом не могло быть и речи.

К моим партнершам прилагался подробный список того, что можно делать, а что нельзя, и единственное, чего они ожидали от наших встреч, – это щедрые чаевые и оргазм в комплекте от вашего покорного слуги.

Первый секс с проституткой у меня случился в четырнадцать лет.

Отец приехал ко мне в Эвон вскоре после того, как Эндрю Эрроусмит открыл мой секрет.

Мы устроили закрытый ужин в лондонском отеле «Савой». Стоял разгар лета, но я надел рубашку с длинными рукавами, чтобы спрятать ожоги от сигарет и следы от укусов. *Athair*, подцепив на тост икру Royal Beluga, спросил, со сколькими девушками я спал. Я соединил кончики большого и указательного пальцев, изображая ноль. Я не придавал этому большого значения. Я учился в школе для мальчиков, и к тому же у меня были дела поважнее, чем кому-то присутствовать.

Джеральд Фитцпатрик подавился икрой. На следующий день он решил исправить мое ужасное положение и, усадив мой тощий зад в самолет, взял меня с собой в Норвегию, где он должен был посетить одну из буровых установок «Королевских трубопроводов».

Майе, норвежке, которая лишила меня девственности, было чуть за тридцать. Она оказалась на голову выше меня и до смешного смущена, когда меня чуть не вырвало ей на колени. Я не хотел лишаться девственности. Только не в четырнадцать, не с незнакомкой и уж точно не в элитном борделе на улочке в Осло. Но делать все, лишь бы угодить отцу, было для меня в порядке вещей.

В доме Фитцпатриков стоял просто очередной вторник, когда *athair* помахал ключами от своего королевства перед моим носом, чтобы добиться желаемого.

Не сутулься.

Не ругайся.

Пиши без ошибок, не падай с лошади, демонстрируй исключительно безупречные манеры за столом и не смотри своему отцу в глаза.

И вот я надел презерватив и исполнил свой долг.

Когда я вышел из комнаты, *athair* похлопал меня по спине и сказал: «Это, *mo orga*, единственное, на что годятся женщины. Раздвигать ноги и выполнять приказы. Советую тебе это запомнить. Старайся чаще менять любовниц, не привязывайся к ним, а когда настанет время остепениться, обяза-

тельно выбери более послушную. Ту, которая не станет просить слишком многого».

Athair поступал согласно собственным наставлениям.

Джейн Фитцпатрик была тихой, робкой и лишенной даже задатков характера. Что, конечно, не помешало ей изменять мужу. Оба моих родителя ходили налево, причем часто и открыто.

Я рос, наблюдая наихудший пример супружества, брал на заметку и должен был пойти по их стопам.

Судя по всему, мой младший брат пропустил лекцию под названием «Женщины – зло». Хантер женился по любви. Да к тому же на самой строптивой девушке, какую я только видел.

Поразительно, но, похоже, он был счастлив.

С другой стороны, это ничего не значило. Хантер обладал интеллектом щенка лабрадора. Я был вполне уверен, что печенье в форме косточек и облизывание собственных яиц тоже принесло бы ему удовлетворение.

– Килл, спустись на землю. – Хантер щелкнул пальцами перед моим лицом. – Я спросил, почему именно на Минке? Почему сейчас?

Я уже собрался сказать ему, чтобы не лез в чужие дела, как вдруг в комнату ворвался Петар, управляющий моим поместьем. Его волосы были мокрыми от дождя.

– К вам посетитель, сэр.

Я не поднял взгляда от карт, хотя в груди возникли ка-

кие-то странные и непрошенные ощущения.

Вероятность того, что это Персефона, была практически нулевой. А даже если это Персефона, то она в любом случае упустила свой шанс, и с этим теперь ничего не поделаешь.

– Кто там? – рявкнул я.

– Миссис Вейтч.

Я чувствовал, как взгляд Хантера устремился ко мне, прожигая дыру в щеке.

– Я занят. – Я указал на стол.

– Сэр, уже поздно, и на улице сильный дождь.

– Я в состоянии посмотреть на часы и глянуть в окно. Вызови ей такси, если так хочется быть джентльменом.

– Гроза сильная. Линии связи оборваны. Приложения такси не работают, – продолжил Петар, сложив руки за спиной и проговаривая каждое слово медленно и размеренно. Он знал, что я не люблю, когда ко мне относятся неуважительно. Я всегда был готов чуть что избавиться от недисциплинированного персонала. – Она промокла до нитки и, похоже, очень расстроена.

Хантер открыл рот, но я поднял руку, чтобы остановить его.

– У нее пять минут. Приведи ее сюда.

– Вы хотите, чтобы она пришла в эту комнату? – Петар огляделся кругом.

Над нашими головами клубилось едкое облако сигаретного дыма, а стены пропитал кислый запах выдохшегося теп-

лого алкоголя. В комнате пахло, как в борделе.

Персефона оказалась дамой в беде, а я приглашал ее в логово льва.

Но она отклонила мое предложение. Раз мое самолюбие пострадало, то и ей не помешает получить пару оплеух.

Я посмотрел в глаза Петару отсутствующим взглядом.

– Или делай по-моему, или пусть проваливает. И, насколько мне известно, миссис Вейтч не может позволить себе вызывать машину. Приведи. Ее. Сюда.

Не прошло и минуты, как Персефону, всю промокшую и потрепанную, провели в гостиную. За ней тянулась тонкая струйка воды, обувь скрипела с каждым шагом. Ее глаза, голубые и бездонные, словно океан, выглядели взволнованными. Светлые волосы липли к вискам и щекам, а дырявая ветровка перекрутилась вокруг ее стройного тела.

Она остановилась посреди комнаты, грациозная, как королева, которая соизволила уделить время своим подданным. Я четко уловил момент, когда ее осенило. Как только она оглядела окружающую обстановку. Мягкий свет, закуски и напитки.

Эта жизнь могла быть твоей. Ты отказалась от нее ради любви.

Персефона выпрямилась в полный рост, – который, к слову, был невелик, – сделала глубокий вдох и устремила на меня пристальный взгляд.

– Я согласна.

Два простых слова прогремели в комнате, словно взрыв.

Следи за пульсом, Киллиан.

– Что, прости? – Я вскинул бровь.

Она не удостоила вниманием Хантера, Сэма и Дэвона, демонстрируя больше мужества, чем было у них троих вместе взятых. Петар стоял рядом с ней в покровительственной позе.

Персефона подняла голову выше, отказываясь отступить или выражать недовольство. В это мгновение, промокнувшая как крыса и на грани пневмонии, она была безжалостно прекрасна. А я точно знал, почему всегда предпочитал смотреть на ее старшую сестру, когда мы оказывались в одной комнате.

Эммабелль не ослепляла меня.

Не поглощала меня.

Не волновала меня.

Она была просто очередной женщиной, манерной и избалованной, которая всегда вела себя шумно, беззастенчиво, отчаянно желая, чтобы ее заметили и признали.

Персефона была чиста и благородна. Лишена притворства.

– Твое предложение, – ее голос был нежным и сладким, как гранат, – я его принимаю.

Она согласна.

Я сейчас вмажу кулаком в стену.

Нет, не просто в стену. Во все стены. Превращу свой особ-

няк в Бэк-Бэй в якобинском стиле в горстку пыли.

Она принимает предложение, которое больше не актуально.

Ее щеки покраснели, но она не сдвинулась с места, будто пригвожденная к полу, а вокруг нее уже начала собираться лужа из стекающей воды.

В этот момент казалось, что заполучить ее было даже слишком просто, но вместе с тем совершенно невозможно.

– Перси, я... – Хантер встал с места, собираясь броситься на помощь подруге своей жены. Я усадил его обратно, опустив руку ему на плечо, и с силой прижал его кресло к стене, не отводя глаз от Персефоны.

– Знаешь, чем мне нравится греческая мифология, Персефона? – спросил я.

Ее ноздри раздулись. Она не клюнула на наживку, потому что знала, что я все равно ей отвечу.

– В ней боги неоднократно наказывают женщин за высокомерие. Видишь ли, пятьдесят пять часов назад я был недостаточно хорош, чтобы стать твоим мужем. Тебе потребовалось больше времени, чем мы договаривались, чтобы дать ответ.

У нее приоткрылся рот. Я озвучил это в присутствии всех наших знакомых, даже глазом не моргнув.

– Началась гроза. – Ее глаза вспыхнули. – Поезда перестали ходить. Мне пришлось ехать на велосипеде в дождь...

– Мне надоело. – Откинув голову на подголовник, я взял

блестящее яблоко из корзины с фруктами и покрутил его в руке. – А ты опоздала. В этом вся суть ситуации.

– Я приехала, как только смогла!

Теперь ее потрясение сменилось злостью. Ее холодные, как мрамор, глаза мерцали стальным блеском. Не от слез, а от чего-то другого.

От того, что я не видел в них до этого вечера.

Ярости.

В голове эхом пронеслись слова отца: *«Бери в жены более послушную. Ту, которая не станет просить слишком много».*

Минка казалась покорной, гибкой и отчаявшейся.

Персефона же просила немислимого – любви.

– Я уже сделал предложение другой. – Я вонзил зубы в яблоко, и его сладкий сок потек по подбородку, пока мы неотрывно смотрели друг другу в глаза в состязании воли.

Все взгляды были прикованы ко мне.

Это было не упоением властью.

Это было полномасштабным унижением.

Я не хотел Персефону Пенроуз.

Она была недостаточно хороша для меня.

А даже если бы была, то что хорошего из этого вышло бы? Она хотела все то, чего не хотел я.

Отношений. Партнерства. Близости.

Я не Хантер. Я неспособен любить свою жену или хотя бы испытывать к ней симпатию. Терпеть? Возможно, но только

в том случае, если мы сократим наше общение до одного раза в месяц. К тому же, в день свадьбы моего брата и Сейлор Бреннан, я чуть не позволил Персефоне умереть от отравления, лишь бы не оставаться с ней наедине в одной комнате.

Я был в считанных мгновениях от того, чтобы поглотить ее.

Вонзить зубы в ее крепкую, круглую задницу.

Тереться об ее грудь, пока не кончу в штаны.

А теперь я возбужден в комнате, полной людей. *Потрясающе.*

Я веду к тому, что с Персефой все слишком сложно, запутанно, а искушение слишком велико, чтобы я мог ему поддаться. Минка – правильный выбор. Мои мысли никогда произвольно не устремятся к Минке.

– Ты сделал предложение другой, – повторила Персефона, пятясь назад.

– Минке Гомес. – Сэм зажал седьмую за минувший час сигарету между губами, твердо вознамерившись заработать рак легких до конца этого вечера. Он закурил и выдохнул дым. – Мы все пытаемся понять, где он откопал эту бедняжку. Не припоминаешь такую?

– Боюсь, что нет, – тихо ответила она.

– Ты легко отделалась. Килл слишком черствый, слишком старый и слишком упрямый для такой милой девушки, как ты. Не говоря уже о том, что у меня есть сомнения насчет его сексуальных предпочтений. Поставь свечку за мисс Гомес, когда в следующий раз пойдешь в церковь, и поблаговари

свои счастливые звезды. Они точно сошлись этим вечером. — Сэм выпустил струйку дыма в ее сторону, отчего Персефона закашлялась.

Мне захотелось его прикончить.

— Перси. — Хантер встал. — Подожди.

Она помотала головой, выдавив гордую улыбку.

— Со мной все хорошо, Хант. В полном порядке. Возвращайся к игре, пожалуйста. Спасибо, что уделили время. Желаю приятно провести остаток вечера.

Она развернулась и ушла стремительным, ровным шагом. Петар бросил на меня полный отвращения взгляд и помчался за ней.

Хантер был готов ринуться вслед за ними обоими, но я схватил его за ворот рубашки и снова прижал к спинке кресла.

— Сначала закончи игру.

— Да ты, мать твою, издеваешься? — заорал мой брат. Его бокал с «Гиннесом» опрокинулся. Черный стаут с шипением разлился по персидскому ковру. — Ты разгуливал по Бостону, делая предложения женщинам — одна из которых лучшая подруга моей жены, — и теперь хочешь, чтобы я закончил гребаную игру? Ладно. Пожалуйста. Килл получает все, что пожелает. — Хантер бросил свои карты на стол. — А теперь, если позволишь, я пойду и исправлю эту хрень. — Он указал на дверь. — Не хватало моей беременной жене подруги на грани отчаяния. Клянусь богом, Килл, если ты что-то

сделал с этой девушкой... если тебя угораздило обрюхатить ее, чтобы обеспечить се-бе наследника...

Я перевернул брошенные им карты, не удостоив вниманием его истерику.

У него был фулл-хаус²¹.

Хантер ошибался. Я не всегда получал то, что пожелаю.

Персефона

Он женится на другой.

Я опоздала на несколько часов, объявившись почти к полуночи, выглядя и чувствуя себя, как тряпичная кукла, которая провалялась брошенной в грязи все минувшее столетие, а он даже толком не удостоил меня взглядом.

А чего я ожидала?

Ты ожидала, что он отнесется к тебе не просто, как к матке в аренду.

Но это была моя первая и, будем надеяться, последняя ошибка в отношении Киллиана Фитцпатрика.

Я шла от велосипеда к дому, специально топая по лужам. Стояла ночь, шел сильный дождь, а моя ветровка порвалась по пути в Бэк-Бэй и обратно. Пальцы на руках и ногах онемели. Может, они отвалились где-то по дороге, а я даже не заметила. Остальная часть моего тела точно не будет по ним скучать, когда Бирн и Камински, в конце концов, расчленят меня и скормят воронам.

²¹ Третья по старшинству комбинация в покере, состоящая из трех карт одного достоинства и двух карт другого достоинства.

Где бы ты ни был, Пакс, надеюсь, ты страдаешь вдвое больше, чем я.

Я открыла дверь в свой дом – вернее, в дом Белль. *Своего дома у меня нет*, – напомнила я себе. Внутри было темно, сыро и пахло плесенью. Я шагнула к лестнице, как вдруг моя голова резко повернулась в сторону. Щеку обожгло так сильно, что глаза защипало от слез.

Секунду спустя в воздухе раздался звук, похожий на удар хлыста. Не успев опомниться, я упала на колени лицом вниз. Булькающий звук эхом пронесся по пустому коридору. Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать, что его издавала я.

За ним последовал резкий удар в живот, налетевший из покровов темноты. Я, давась, упала вперед. Вытянув шею, чтобы увидеть нападавшего, я выставила перед собой руку и принялась шарить ей по полу в попытке отыскать в темноте сумку и достать из нее перцовый баллончик.

Тяжелый ботинок наступил мне на пальцы. В воздухе раздался треск, когда нападавший всем весом придавил мою руку.

– Это ты зря, сука.

Впервые в моей жизни страх обрел форму и вкус. Нападавший пинком отбросил мою сумку прочь, отчего она пролетела по полу и ударилась в стену. Я воспользовалась возможностью и впилась ногтями ему в лодыжку. Почувствовала, как ногти выгибаются назад, пока я отчаянно пыталась

причинить ему боль. Схватившись за его ногу, я подтянулась выше, вцепилась зубами в голень и сжала так яростно, что почувствовала, как кровоточат десны.

– Черт! Ах ты шлюха!

Грязный армейский ботинок зеленого цвета пнул меня прочь. Я знала только одного человека, который носил такую обувь.

Камински.

– Том, – прохрипела я, назвав его по имени, будто от этого мог быть какой-то толк. Рот наполнила теплая, отдающая металлическим вкусом кровь. Адреналин мчался по венам, а каждую клетку тела покалывало от паники. – Пожалуйста, Том. Отпусти меня. Мне нечем дышать.

Мне прилетел еще один удар. На сей раз он ударил в челюсть. Мое лицо запульсировало, и я прикусила язык. Рот наполнило еще больше крови.

Камински мог прикончить меня прямо здесь и сейчас, и об этом никто никогда не узнает. Единственный человек, которому известно о том, что за мной охотятся бандиты, это Киллиан. А притом, что он едва не дал мне умереть от отравления и отказался помогать, можно с уверенностью утверждать, что свершение правосудия над моим обидчиком не значилось в начале списка его дел.

Я начала карабкаться по лестнице, отчаянно пытаюсь спастись, но Камински схватил меня за ногу и стащил вниз по трем ступенькам, на которые мне удалось подняться. Он раз-

вернул меня и расстегнул штаны.

– Может, узнаем, чего ты стоишь, а? – Воздух сотряс его злоеший смех. – Раз уж через пару дней тебе придется много отсасывать, чтобы вернуть долг Пакса.

Отпрянув назад, я ударила Тома ногой в пах, приложившись кроссовкой к его возбужденному достоинству. Он отшатнулся, крича от боли и обхватив промежность руками. Я развернулась и стала на четвереньках ползти по лестнице, как животное, издававшее гортанные звуки. Я знала, что Белль нет дома, но в здании с нами жили еще четверо соседей.

Рука вцепилась мне в волосы и резким рывком запрокинула голову. Тошнотворное дыхание Камински коснулось моей щеки, запах сигарет и зубного налета ударил мне в нос.

– Чудом спаслась. Ты угробила мой стояк, но это значит, что в следующий раз я отымею тебя в задницу. У вас неделя, миссис Ви. Одна неделя, после чего я превращу все твои кошмары в реальность. Ты уж поверь.

Он отпустил мои волосы. Голова с глухим стуком коснулась пола. Позади хлопнула входная дверь.

Я лежала, в кои-то веки позволив себе сорваться. Впервые с тех пор, как ушел Пакстон, я заплакала, прижавшись опухшим, пылающим, побитым лицом к полу.

Свернувшись калачиком, я ревела как ребенок, в агонии раскачиваясь из стороны в сторону.

Я плакала из-за всех ошибок, которые совершила в жиз-

ни.

Из-за того, что меня бросил муж.

Из-за того, что я расплачивалась за его грехи.

Из-за того, что ехала на велосипеде в грозу, промокшая, замерзшая и отчаявшаяся, а еще из-за того, что была такой безумно, невероятно, ничтожно глупой.

Из-за того, что зря растратила драгоценное Облачное Желание тетушки Тильды на Киллиана Фитцпатрика, который оказался злодеем в моей сказке.

Плакала из-за того, что вообще поверила в ее глупые чудеса.

Прошли минуты, а может, часы, прежде чем я поднялась с пола и стряхнула кровь и грязь с ободранных коленей. Я выбросила сумку в мусорный бак возле здания и спрятала кошелек в трусы, а потом поднялась в квартиру Белль.

Сестра должна поверить, что на меня напали и ограбили.

Я не могла впутывать ее в эту передрагу.

Неделя. Мне хотелось кричать.

Всего семь коротких дней.

А потом моей жизни придет конец.

Шестая

Киллиан

– Оплата труда работников в нефтегазовой отрасли в настоящий момент на подъеме, и мы придумали отличный план, как сохранить ключевых сотрудников и поощрить потенциальных соискателей, откликаться на вакансии «Королевских трубопроводов»...

Мои мысли уносились прочь, пока Кит, директор по персоналу, выступал с самой скучной речью, которую я когда-либо слышал за всю свою долгую карьеру в бизнесе.

Хантер, сидевший напротив меня, копался в телефоне, наконец, обновляя премиум-подписку на Pornhub.

Дэвон сидел рядом и скрупулезно выполнял роль главы контрольного отдела, хмуро глядя в телефон и оставляя без

ответа международные звонки, которые то и дело переключались на автоответчик.

Через несколько лет он получит в наследство герцогство (если соизволит показаться в Англии), но упорно отказывается ступить на английскую землю.

Я постучал ручкой Montblanc по столу, глядя в окно.

Прошло три дня с тех пор, как Персефона заявила ко мне на порог, приняв мое предложение.

Три дня, в течение которых у меня было время подумать о том, что в тот день гроза в самом деле парализовала большую часть общественного транспорта в Бостоне.

Три дня, в течение которых я напрочь забыл о существовании Минки Гомес.

Три дня, на протяжении которых я представлял, как Персефона рождает мне детей, что выглядят, как точная ее копия: с белокурыми кудрями, голубыми глазами и загорелой кожей, и не испытывал ни малейшего отвращения от такой перспективы.

На телефон пришло уведомление о новом письме, пока Кит продолжал наводить тоску на всех присутствующих.

Я провел пальцем по экрану.

От кого: CaseyBrandt@royalpipelines.com

Кому:

Здрааавствуйте, мистер Фитцпатрик.

Просто хочу сообщить, что сегодня утром в квартиру мисс Гомес отправили ювелира для снятия мерок для кольца, и теперь они у меня.

Мне теперь выбрать кольцо от вашего имени, или вы все-таки хотели бы сами взглянуть? Дайте знать, пожалуйста. #

В связи с этим, мисс Диана Смит – директор по связям с общественностью «Королевских трубопроводов» – хотела бы организовать с вами короткое совещание на этой неделе по поводу официального объявления о вашей помолвке с мисс Гомес, как раз чтобы сделать все официально.

А еще прилагаю ваше недельное расписание. Отмеченные окна можно выделить под совещание.

Если я еще для чего-то вам понадоблюсь (и я имею в виду для чего угодно, LOL), дайте знать <3

хохо Кейси Брандт

Исполнительный помощник Киллиана Фитцпатрика, генерального директора компании «Королевские трубопроводы»

Я оторвал взгляд от телефона и хмуро посмотрел на Хан-

тера.

Он сердито глянул на меня через стол и произнес одними губами: «исправь все».

Возможно, мне в самом деле нужно все исправить.

Мой брат был ужасно слабохарактерным и беспокоился не только о своей заурядной на вид жене, но и ее пристрастиях.

Еще нужно подумать и об Эшлинг. У нее ранимая душа, и она не заслуживала скорбеть по Персефоне, если та будет убита какой-то уличной шпаной.

А еще Сейлор. Если Персефону найдут порубленной на мелкие кусочки и плавающей в реке Чарльз, как засохший тофу в мисо-супе, Сейлор может потерять ребенка.

Предпочтя оставить без внимания тот факт, что я еще никогда прежде не демонстрировал признаков наличия совести, порядочности или внимания к чему-то, кроме своего члена, я решил дать Персефоне еще один шанс искупить свою вину.

Я окажу безвозмездную помощь.

Женюсь на девушке, чтобы спасти ее от верной смерти.

Цветочница окажется так сильно мне обязана после услуги, которую я намереваюсь ей оказать, что вечно будет передо мной в долгу. Это значит, что я смогу выстраивать наши отношения так, как пожелаю, а я желаю видеться с ней три раза в год на важных праздниках, корпоративных мероприятиях и ежегодных секс-марафонах (если уж я собираюсь обеспечивать роскошную жизнь ей и ее будущему моло-

дому любовнику, то позабочусь о том, чтобы он точно знал, кому она на самом деле принадлежит).

Пальцы запорхали по экрану телефона.

Я:

Немедленно подготовь моего водителя.

Кейси:

Мистер Фитцпатрик? Вы пишете мне сообщения?!

<3

Да почему люди постоянно констатируют очевидное?

Я:

Выхожу с совещания отдела кадров. Если его не будет на месте к тому времени, как я выйду из здания, вы оба уволены.

Я вылетел из конференц-зала, даже не извинившись. Кит замолчал на полуслове, застыв с открытым ртом. Хантер и Дэвон переглянулись.

Мне было плевать.

Я не хотел жениться на Минке Гомес.

На Персефоне Пенроуз я тоже не хотел жениться, но, в случае с ней, хотя бы знал, что получаю от этой сделки. А именно: фотогеничных детишек, любящую их мать и жену, которая будет хорошо выглядеть под руку со мной.

Мне нужно лишь держать Персефону на расстоянии вытянутой руки и не подпускать к себе после того, как мы свяжем себя узами брака.

Кейси:

Ваш день расписан по минутам, сэр.

Я:

Ты хотела сказать, что мой день полностью свободен, потому что ты использовала все три функционирующие клетки своего мозга, чтобы перекроить расписание, за что я ТЕБЕ И ПЛАЧУ.

Кейси:

Безусловно, сэр. Что мне делать с обручальным кольцом?

Я:

Отправь мисс Гомес щедрый чек и записку с извинениями. Я не женюсь на ней.

Кейси:

О боже, правда?

Кейси:

Простите, я хотела сказать, вакансия все еще открыта, сэр?

Кейси:

Я буду хорошей женой. Честное слово. Я умею готовить, ловить рыбу и нянчила, типа, кучу детей за свою жизнь. И я много чего еще умею...

Я вышел из лифта, громко стуча ботинками по мраморному полу вестибюля. Я видел сквозь панорамные окна, что «Кадиллак-Эскалейд» ждет меня у тротуара на фоне метели.

Усевшись на заднее сиденье, я рывкнул водителю рабочий адрес Персефоны.

Кейси:

Забудьте. Простите. Это было совершенно

неуместно. Раз вы не собираетесь жениться на мисс Гомес, то мне стоит отменить встречу с Дианой?

Я:

Я сказал, что не женюсь на мисс Гомес. Она не единственная женщина на планете.

Кейси:

Сэр, боюсь, я не понимаю.:(

Я:

Не бойся. Неведенье – благо.

Сотрудники академии «Маленький гений» узнали меня, едва я переступил порог. Энергичная секретарша тут же ринулась помочь мне найти кабинет мисс Перси и повела по коридору, полному рисунков, поделок и мягких игрушек.

Кругом пахло человеческими газами и яблочным пюре. И это стало гнетущим напоминанием о том, что будущих наследников сначала нужно вырастить. Полагаю, я справлюсь с ролью отстраненного отца, которая так хорошо давалась *athair*, и ограничу общение со своими отпрысками, пока они не сформируются полностью и не перестанут нуждаться в том, чтобы им подтирали зад.

– Вот здесь класс мисс Перси. – Секретарша остановилась

возле двери и открыла ее передо мной.

Я смотрел, как Цветочница скачет по комнате, полной детей. Ее яркие золотистые волосы с прядями медового цвета были заплетены в голландскую косу. Персефона надела белое платье длиной до щиколотки и туфли без каблука, которым на вид было уже лет десять.

Она влачила нищенское существование, была по уши в дерьме, но все равно каждый день с радостью ходила на работу.

Невероятно.

Она держала за руки двух застенчивых четырехлеток, пока все танцевали в кругу. Каждые несколько секунд музыка останавливалась, и дети замирали на месте со смешными выражениями лиц, пытаясь не рассмеяться.

Я прислонился к дверному косяку, сунув руки в передние карманы, и стал наблюдать. Ей потребовалось три минуты, чтобы заметить меня. Еще две, чтобы поднять челюсть с пола, выпрямить спину и залиться румянцем.

Мы встретились взглядом через всю комнату, и у меня в груди вновь возник этот мучительный гул.

Надо бы сердце проверить. Если умрешь от сердечного приступа в сорок лет, винить тебе будет некого.

Она вздрогнула и посмотрела на меня так, будто я отвесил ей пощечину.

– Мистер Фитцпатрик.

– Мисс Пенроуз.

– Вейтч, – поправила она, лишь бы меня позлить.

– Ненадолго, – сухо заметил я. – Можно на пару слов?

– Да я много слов знаю. Сейчас мое самое любимое: «уходи».

– Ты захочешь меня выслушать. – Я хрустнул костяшками пальцев. – А теперь попрощайся со своими маленькими друзьями.

Персефона перевела взгляд с детей на меня и обратно, а потом отвернулась, что-то тихо сказала стоящей рядом учительнице и поспешила ко мне, опустив голову.

– Что ты здесь делаешь? – громко прошептала она, закрыв за собой дверь.

Я задаю себе тот же вопрос с тех пор, как сбежал от Кита и его усыпляющей речи.

Какого черта я сюда пришел?

Из-за Хантера?

Эшлинг?

Из-за какой-то там угрозы, что Персефону может прихлопнуть мафия?

Причины размылись, но казались вескими, пока я сидел в конференц-зале и размышлял о будущем с женщиной, которую не знал и которая меня не интересовала. О женщине, которая хотела *домик в Аспене*, как будто на дворе клятые девяностые.

– Когда ты заканчиваешь? – спросил я.

– Не раньше, чем через четыре часа.

– Возьми отгул на оставшуюся часть дня.

– С ума сошел? Я едва могу позволить себе перерывы на обед. – Она вытаращила глаза. – И беру их только потому, что обязана делать это по закону. Я попросила директора разрешить мне оставаться после занятий, чтобы помочь с уборкой и подзаработать. Я не могу уйти с работы.

Эта женщина была упряма, как ослица.

И я собирался на ней жениться.

«Выбери в жены послушную женщину», – говорил *athair*.

Еще не поздно развернуться и уйти, но мысль о том, что смерть этой тупицы окажется на моей совести, вызвала у меня подозрение, что совесть у меня все-таки есть. И эта мысль отозвалась во мне дрожью.

Нет. Не совесть. Ты просто не хочешь, чтобы поднялся большой переполох.

– Возьми отгул на остаток дня, или вообще останешься без работы, – процедил я, собравшись развернуться и уйти, пока не схлопотал пищевое отравление от одного только здешнего запаха. Потом замер и впервые внимательно ее рассмотрел. – Что случилось с твоим лицом?

У нее опухла нижняя губа, на щеке красовался синяк, а под толстым слоем макияжа виднелся фингал под левым глазом.

Персефона отвела взгляд, пряча от меня лицо.

– Ничего. В любом случае тебя это не касается.

Ростовщик перешел от угроз к действиям.

У меня подскочил пульс. Я хрустнул костяшками пальцев. Мне была непонятна собственная реакция на состояние ее лица. Очевидно, что она жива и в целом здорова.

Но от мысли о том, что кто-то тронул ее... ударил ее...

– У тебя десять минут на то, чтобы закончить и встретиться со мной снаружи. Ты уже должна знать, что я не люблю, когда меня заставляют ждать.

Я развернулся и зашагал обратно к машине, уже жалея о том, что решил на ней жениться. Всех обезболивающих в мире не хватит, чтобы избавить меня от головной боли, которую уготовила для меня Цветочница.

Она вышла через несколько минут, закутавшись в дешевое пальто, на котором то тут, то там виднелись дырки. Я открыл перед ней заднюю дверь. Она села в салон, а я за ней следом.

– Езжай по округе, – велел я шоферу и щелкнул пультом, чтобы поднять перегородку.

Персефона возилась с ремнем безопасности, избегая смотреть мне в глаза.

Я заговорил, уставившись на кожаный подголовник перед собой. Глядя на ее лицо в его нынешнем состоянии, я начал злиться, а я никогда не злился.

– Мы будем жить в отдельных домах. Я останусь в своем поместье, а ты поселишься рядом на той же улице. На проспекте Содружества есть новое здание. Квартира площадью в триста двадцать пять квадратных метров с четырьмя спаль-

нями в многоквартирном доме. Я попросил своего риелтора предоставить тебе пентхаус в аренду. Можешь обсудить с ней вопрос постоянного проживания и адаптировать его под свои предпочтения.

Краем глаза я увидел, что она резко повернула голову и в потрясении уставилась на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.